

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ*Life Story**19.04.1959г.**Angelus Temple in Los Angeles,
California, U.S.A.***WILLIAM MARRION
BRANHAM**

www.Branham.ru

что я Божий слуга, всем своим сердцем? Вы думаете о ком-то другом, не так ли? Если это так, помашите рукой. Не потому что это я, брат ваш. Так вот, у вас нет молитвенной карточки. Вы бы никак не попали в ряд, потому что у вас нет молитвенной карточки. Так вот, если у кого-нибудь из вас есть молитвенные карточки, не—не—не вставайте, понимаете, потому что у вас будет возможность прийти в ряд.

Но я вижу, что этот Свет просто висит над ним. Видение ещё не пришло. Я не могу исцелить тебя, брат, я не могу. Только Бог может это сделать. Но ты—ты—ты имеешь веру. Ты веришь. И есть нечто такое, это—это вызвало это, как-то.

Если Всемогущий Бог скажет этому человеку, какая у него болезнь, вы все остальные примете своё исцеление? Мужчина, который стоит, в десяти-пятнадцати ярдах от меня, я никогда в жизни его не видел. Просто человек, что стоит там. Если Всемогущий Бог откроет мне, что с этим человеком не в порядке, каждый из вас должен выйти прямо отсюда здоровым человеком. Что ещё может сделать Бог? Это так?

Сэр, это не с вами что-то не в порядке. Вы слабы, ночью немного встаёте, предстательная железа и всё такое, но не об этом вы беспокоитесь. Вы беспокоитесь относительно вашего сына. И ваш сын в какой-то государственной психбольнице, и у него раздвоение личности. Это так? Помашите своей рукой, если это так. Это точно так.

Сколько теперь верят, что Иисус Христос, Сын Божий стоит здесь? Давайте встанем, воздадим хвалу и примем наше исцеление.

Всемогущий Бог, Автор Жизни, Даятель всякого благого дара, Ты здесь, тот же самый Господь Иисус Христос, тот же самый вчера, сегодня и во веки.

И, сатана, ты достаточно долго запугивал этих людей, выйди из них! Я проклинаю тебя живым Богом, Чьё Присутствие теперь здесь в форме Столпа Огненного, оставь этих людей! И выйди из них, во Имя Иисуса Христа!

Каждый из вас, поднимите свои руки и восхвалите Бога, и примите своё исцеление, каждый. [Собравшиеся восхваляют Бога—Ред.]

Проповедь произнесена:

Angelus Temple in Los Angeles, California, U.S.A.

Длительность: 2 часа и 4 минуты.

Перевод: "Voice Of God Recordings"

расстраивает. Это плохо сказывается на ваших нервах. Выбросьте эту...гадость и больше этого не делайте, и у вас это перестанет, и всё будет в порядке, и болезнь сердца вашей жены оставит её. Вы верите этому? Разве это не так? Я вас отсюда не вижу, вы это знаете, но вы носите сигары на вашем...в—в вашем переднем кармане. Это так. Выложите всё это оттуда и положите свою руку на плечо своей жены, скажите Богу, что вы покончили с этой чепухой, вы пойдёте домой здоровыми, и вы и ваша жена выздоровеете. Благословенно будет Имя Господа Иисуса!

Вы верите всем вашим сердцем?

Вот эта леди сидит здесь, смотрит на меня. Вы на...здесь на переднем месте, прямо здесь сидите. Небольшая дамочка...смотрит на меня, сидит вот там. Вы не...У вас есть молитвенная карточка, леди, вот здесь? У вас нет молитвенной карточки? Вы верите всем своим сердцем? Вы верите, что Иисус Христос может исцелить вас?

Что вы об Этом думаете, вы, что сидите рядом с ней? У вас есть молитвенная карточка, леди? У вас нет? Вы тоже хотите выздороветь? Не хотели бы вы пойти и опять есть, как и раньше, чтобы прекратилась болезнь желудка? Вы верите, что Иисус теперь исцеляет вас? Встаньте, если вы верите, что Иисус Христос исцелил вас. У вас была язва желудка, не так ли? Нервное состояние послужило причиной этого. Вы долгое время нервничали. Особенно кислоты и всё такое, или, я имею в виду, выделяется кислота, и делает зубы чувствительными, когда вы отрыгиваете пищу назад себе в рот. Это истина. Да, сэр. Это пептическая язва, она находилась в нижней части вашего желудка. Она иногда жжёт, особенно после того, как поедите гренки с маслом. Это так? Я не читаю ваши мысли, но Святой Дух безошибочен. Вы теперь исцелены. Идите домой, будьте здоровы.

Как вы, что в этом направлении? Кто-нибудь из вас там без молитвенной карточки, поднимите руку. Кто-нибудь без молитвенной карточки. Хорошо, будьте в почтении, верьте всем своим сердцем. Как насчёт наверху на балконе? Имейте веру в Бога.

Я не могу сделать это сам по себе, это только Его суверенная благодать. Вы верите? Я могу сказать только когда Он показывает мне. Насколько у тебя веры...Я говорю это, чтобы встряхнуть вашу веру, и потом смотрю, куда Он поведёт меня. Вы осознали, что—что это не брат ваш? Вы находитесь в Его Присутствии. Не я всё это делаю, это ваша вера управляет Этим. Я не могу Этим управлять. Ваша вера это делает. Я никак не могу Этим управлять. Одну минутку.

В этом углу я вижу там сидит негр, довольно пожилой, в очках. У вас есть молитвенная карточка, сэр? Встаньте на минутку на ноги. Вы верите,

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Давайте на минуту склоним наши головы для молитвы.

Наш благодатный небесный Отец, это действительно привилегия для нас приближаться к Тебе, нашему Богу и Спасителю. Слушая эту чудесную песню "*Как Ты велик*", мы трепещем, потому что мы знаем, что Ты велик. И мы молим, чтобы Твоё величие вновь проявилось нам в этот день, когда мы будем говорить. И мне выпала участь впервые за многие годы, попытаться вернуться назад в прошедшую жизнь, и я молю, чтобы Ты дал мне силы, и—и в чём я нуждаюсь, Господь, в этот час. И пусть все мои ошибки, сделанные в жизни, помогут другим прийти ближе к Тебе. Даруй это, Господь, пусть грешники увидят следы на песках времени, и пусть они будут приведены к Тебе. Мы просим об этом во Имя Господа Иисуса. Аминь. (Можете садиться.)

[Брат Гловер говорит: "Могли бы вы перед началом помолиться над этими платками?"—Ред.] Буду рад. ["Помолиться над теми и вот этими".] Хорошо, сэр, благодарю вас. Как этот освящённый муж, Брат Гловер, которого я знаю уже многие годы, имел честь в прошлый вечер побыть с ним. И он рассказал мне о...некоторое время он был прикован к постели, отдыхал. И теперь, в семьдесят пять лет он опять возвращается к служению Господу. Когда я это услышал — половину моей усталости как рукой сняло. Я думал, что я утомился, а теперь я—я не верю этому. Он положил здесь передо мной несколько платочков, сложенных в конверты и так далее, где они внутри и уже запакованы.

Так вот, все, кто слушает по радио, и кто здесь, кто желает один из платочков, если захотите...Из Храма Ангела их рассылают постоянно, всё время. Вы можете написать сюда в Храм Ангела и они помолятся над этим, потому что, я уверяю вас, что это по Писанию. Это обетование Божье.

А если вы захотите, чтобы я помолился над ним для вас, ну что ж, я буду рад это сделать. Вы только напишите мне на почтовый ящик 3-2-5, 325, Джефферсонвилль, по буквам: Д-ж-е-ф-ф-е-р-с-о-н-в-и-л-ль. Джефферсонвилль, штат Индиана. А если вы не вспомните почтового ящика, просто напишите "Джефферсонвилль". Это маленький город с населением около тридцати пяти тысяч. Там каждый меня знает. Так что мы будем рады помолиться над платочком и пошлём его вам.

И ныне мы имеем большой успех в этом, потому что...Вы получите об этом письмо небольшой формы, что люди по всему миру молятся каждое утро в девять часов, в двенадцать часов и в три часа. Можете себе представить, по всему миру, в какое время ночи им приходится вставать,

чтобы совершить эту молитву. Так что, если все эти десятки тысяч и множество тысяч в то же самое время посылают молитвы свои Богу за это служение, ваша болезнь, Бог просто не может отвернуться от этого. Вот и мы теперь, как я сказал, у нас нет никаких программ, нам не нужно денег ни цента. Мы просто...Если мы можем вам помочь, вот для чего мы здесь. И давайте мы...

Кто-то несёт ещё стопку платков.

Теперь, если вы не можете отправить платочек, что ж, тогда просто напишите нам. Если вы сейчас в этом не нуждаетесь, то держите его в Библии, в Книге Деяний, где 19-я глава. Это будет в форме маленького белого лоскутка, который вам пошлют с наставлением, как прежде исповедать свои грехи. И (благодарю вас) как исповедать свои грехи. Вы не должны пытаться получить что-нибудь от Бога прежде, чем не примиритесь с Богом. Видите? И потом вы наставлены в том, чтобы позвать своих ближних и своего пастора. Если в вашем сердце есть что-нибудь против кого-то, прежде идите приведите в порядок, и возвращайтесь. И тогда молитесь, пусть в вашей семье будет молитвенное собрание, и приколите этот платочек к вашей нижней одежде, тогда верьте Богу. И в те три назначенных часа, каждый день, по всему миру будут молиться люди, такая цепь по всему миру.

И теперь это ваше, совершенно бесплатно, просто пошлите. И—и теперь, мы не будем писать вам обратно, надоедать вам, требовать платы или же рассказывать вам о какой-то нашей программе. Мы хотим, чтобы вы поддерживали программу, но у нас нет никакой, чтобы поддерживать материально. Видите? Так что вы...Это не для того, чтобы иметь ваш адрес, это просто согласование и служение Господа, которое мы стараемся продолжать.

Теперь давайте склоним наши головы. Если вы слушаете по радио, пусть там лежит ваш платок, просто положите на него вашу руку во время нашей молитвы.

Благодатный Господь, мы приносим к Тебе эти пакетики, может быть, в некоторых из них похоже, что детская рубашечка, или—или какая-нибудь маечка, а может быть, пара тапочек, или—или что-то, платок, который направится к больному и страдающему. Господь, мы делаем это в согласии со Словом Твоим. Ибо мы читаем в Книге Деяний, что они брали с тела слуги Твоего Павла платки и опоясания, потому что они верили, что Твой Дух был на этом человеке. И нечистые духи выходили из людей, болезни и недуги оставляли их, потому что они верили. Мы понимаем, Господь, что мы не Святой Павел, но мы знаем, что Ты всё тот же Иисус. И мы молим, чтобы Ты почтил веру этих людей.

даст это Тебе".

Он сказал: "Я есть Воскресение и Жизнь, верующий в Меня хотя и будет мёртв, но он оживёт. И всякий живущий и верующий в Меня не умрёт. Ты веришь этому?"

Послушайте, что она сказала. Она сказал: "Да, Господь. Я верю, что всё, что Ты сказал — Истина. Я верю, что Ты — Сын Божий, Которому надлежало прийти в мир". Вот её подход, смиренно.

Вы чувствуете себя иначе, не так ли, леди? Да. Это так.

Женщина сидит прямо там, там, рядом с вами, тоже, страдает от артрита и женской болезни. Разве это не так, леди? Встаньте на минутку, женщина в красном платье. Вы были так близко, видение подошло к вам. Артрит, женская болезнь. Это так? И вот здесь в вашей жизни что-то есть (у вас—ясно и чётко вижу вас), в вашей жизни много беспокойства, много бед. И это беда с вашим любимым, это ваш муж. Он пьяница. Он не ходит в церковь. Если это правда, поднимите свою руку. Бог благословит вас, леди. Теперь идите домой и примите своё благословение. Вы исцелены, вокруг вас становится светлее.

Мужчина сидит сразу рядом, тоже, вон там. Вы, сэр, вы верите всем своим сердцем? Вы потеряли одно из своих чувств, и это чувство обоняния. Это так? Если да, помашите своей рукой. *Вот так* приложите свою руку к своему рту, скажите: "Господь Иисус, я верю Тебе всем своим сердцем". [Брат говорит: "Господь Иисус, я верю Тебе всем своим сердцем".—Ред.] Бог благословит вас. Идите теперь, и примите своё исцеление.

Имейте веру в Бога! Что вы все думаете об Этом, там, сзади? Вы верите? Пребывайте в почтении!

Там, прямо в углу сидит одна леди. Я вижу, как этот Свет висит над ней. Единственным образом, как я могу рассказать об этом, когда тот Свет висит. *Этот* Свет прямо здесь висит над этой леди. Может быть, только через минуту, если я увижу, что это. Это сломаёт...Леди страдает от—от болезни сердца. Она смотрит прямо на меня.

И муж её сидит прямо рядом с ней. И у её мужа какая-то болезнь, он просто больной, расстройство, больной. Разве это не так, сэр? Поднимите свои руки, если это правда. Это так, это вы, леди, с шарфиком, там. Мистер, разве это не так? Разве у вас сегодня не было расстройства? У вас расстройство желудка, мужчина. Это так.

Вы верите всем своим сердцем, вы, оба? Вы принимаете Это? Сэр, говорю вам, вы тоже, я вижу, что у вас тяга к курению. Перестаньте это делать. Вы курите сигары, вам не следует этого делать, это делает вас больным. Это так? Если да, вот так помашите своей рукой. Вот что вас

Я верю, что Это тот же самый Столп Огненный, который вёл детей Израильских из Египта в Палестину. Я верю, что Это тот же самый Ангел Света, который вошёл в—в темницу, подошёл к святому Петру и прикоснулся к нему, и пошёл вперёд, и открыл дверь, и вывел его на белый свет. И я верю, что Это Иисус Христос тот же самый вчера, сегодня и вовеки. Аминь! Он тот же самый Иисус, каким Он был вчера. Он вовеки будет тем же самым Иисусом.

И когда я говорю об Этом, тот же самый Свет, который на той фотографии, находится...стоит не более двух футов от того места, где я стою прямо теперь. Это так. Я не вижу Его своими—своими глазами, но я знаю, что Он стоит здесь. Я знаю, что Он пребывает внутри меня прямо теперь. О-о! Если бы вы только могли знать эту разницу, когда сила Всемогущего Бога охватывает, и как всё сразу выглядит по-другому!

Это вызов для каждого. Я не собирался молиться за больных, я собирался совершить посвящение. Но видение висит над людьми. Да. Бог знает это. Я не собираюсь созывать никакой молитвенный ряд, я просто оставляю вас там сидеть. Кто из людей не имеет молитвенной карточки, поднимите вашу руку. Кто-нибудь, у кого нет молитвенной карточки, не имеете молитвенной карточки?

Там сидит негритянка, я видел, что вы подняли свои руки. Верно? Просто встаньте, чтобы я мог выделить вас на минутку. Я не знаю, что скажет Святой Дух, но вы смотрите на меня очень-очень искренне. У вас нет молитвенной карточки? Если бы Всемогущий Бог открыл мне, в чём ваша беда...Я делаю это просто для начала, просто, чтобы начать. Вы верите, что я...Вы знаете, что нет ничего...во мне нет ничего хорошего. Если вы замужняя женщина: я ничуть не больше вашего мужа. Я просто человек. Но Иисус Христос есть Сын Божий, и Он послал Свой Дух, чтобы всё это подтвердить.

Если Бог скажет мне, что у вас не в порядке (и вы знаете, что я вообще никак не могу иметь с вами контакта), поверите ли вы всем своим сердцем? [Сестра объясняет—Ред.] Бог благословит вас. Тогда ваше высокое кровяное давление оставило вас. Вот что у вас было. Разве не так? Тогда садитесь.

Вы только поверьте этому хоть один раз! Я призываю каждого поверить Этому.

Взгляните сюда, позвольте мне вам кое-что сказать. Марфа, подходя к Господу Иисусу. Тот дар никогда бы не действовал...После того, как Отец уже показал Ему, что Он собирался сделать. Он бы никогда не действовал. Но она сказала: "Господи, я...Если бы Ты был здесь, не умер бы мой брат". Сказала: "Но я знаю, что даже теперь, что бы Ты ни попросил у Бога, Бог

И было сказано однажды, что когда Израиль (стараясь слушаться Бога) попал в западню, перед ними море, с другой стороны горы, и приближается армия фараона. И как один сказал: "Бог взглянул вниз сквозь тот Огненный Столп гневным взором, и море в испуге откатилось и открыло путь для Израиля к обетованной земле".

О Господь, вновь взгляни вниз, когда эти пакеты положат на больные тела в ознаменование Твоего живого Слова. И пусть болезнь испугается, взгляни через Кровь Твоего Сына, Иисуса, Который умер для этого искупления. И пусть враг испугается и удалится, чтобы эти люди могли двигаться в обетование, что "Превыше всего", что это Твоё желание "чтобы мы процветали в здравии". Даруй это, Отец, ибо мы отправляем это с таким—с таким отношением в нашем сердце. И это наша цель. Мы посылаем это во Имя Иисуса Христа. Аминь.

Благодарю вас, Брат Гловер. Благодарю вас, сэр.

Так, сегодня вечером заключительная часть этого пробуждения, и я не знаю, будет ли это транслироваться по радио или нет, (если нет), то я хотел бы сказать радиослушателям, что это у меня были одни из самых замечательных собраний за многие-многие годы. Это была укрепляющая, здравая, полная любви, такая встреча сотрудничества, на какой я не был уже долгое время.

[Брат говорит: "Мы будем в эфире до 15-ти минут пятого, брат. Вас слушают по всей северной Калифорнии, и на островах, и на кораблях. Мы получаем от них сообщения. Так что у вас большая аудитория, тысячи и десятки тысяч".—Ред.] Благодарю вас, сэр. Это очень хорошо. Рад это слышать. Благословит Бог всех вас.

Конечно, моё сердце всегда согревают воспоминания о Храме Ангела, ибо здесь стоят за полное Евангелие Иисуса Христа. И, теперь это место мне кажется ещё более близким. Кажется, будто, после встречи со всеми и чувствуя их замечательный дух, кажется, что я ещё больше стал одним из вас, чем был раньше. Да благословит вас Бог, это моя молитва. И...[Аудитория аплодирует—Ред.] Сердечно вас благодарю.

Так вот, было объявлено, что сегодня я как бы расскажу вам немного о *Истории Моей Жизни*. Для меня это вещь трудная. Это будет первый раз за многие годы, когда я попытаюсь об этом рассказать. У меня не будет времени вдаваться в подробности, просто какую-то часть. Да, здесь я сделал много ошибок, многое делал неправильно. И я хотел бы, чтобы те, кто слушает по радио, и те, кто присутствует, чтобы мои ошибки вы рассматривали не как камни преткновения, но как камни, ступая по которым, вы пришли бы поближе к Господу Иисусу.

Затем, сегодня вечером будут раздаваться молитвенные карточки для вечернего служения исцеления. Теперь, когда мы говорим о *служении исцеления*, это не означает, что мы собираемся исцелить кого-то, мы собираемся "молиться за кого-то". Бог производит исцеление. Он просто был слишком благ ко мне, отвечая на молитвы.

Некоторое время назад я разговаривал с менеджером одного известного евангелиста, и—и спросили, почему этот евангелист не молится за больных. И евангелист дал ответ менеджеру моих собраний, сказал: "Если...Этот евангелист верит в Божественное исцеление. Но если бы он начал молиться за больных, то это помешало бы его служению, потому что его финансируют церкви. Многие церкви, и многие из них, не верят в Божественное исцеление".

У меня к этому евангелисту почтение и уважение, потому что он стоит на своём месте, на своём боевом посту. Возможно, он мог бы...Я никогда не занял бы его места, и я сомневаюсь, что он смог бы занять моё место. У каждого из нас есть место в Царствии Божьем. Мы все соединены вместе. Различные дары, но тот же самый Дух. Я хотел сказать: разные проявления, но тот же самый Дух. Теперь, сегодня вечером служения начнутся...думаю, что они сказали, что программа начинается в 6:30. И, теперь, если вы на радиоволне, то послушайте это. Это...это будет прекрасно, как всегда.

И потом я хотел бы сказать, что молитвенные карточки будут розданы сразу же после этого служения, как только будет распущено собрание, если вы останетесь здесь и захотите молитвенную карточку. Мне здесь сообщили несколько минут назад, мой сын или г-н Мерсер или г-н Гоуд, они будут раздавать молитвенные карточки. Просто оставайтесь на своём месте. Как только собрание будет распущено просто оставайтесь на своём месте, чтобы ребята могли пройти по рядам и как можно быстрее раздать молитвенные карточки. Это будет в зале и на балконах, везде, на нижних ярусах, где бы вы ни были, просто оставайтесь на своём месте и ребята будут знать, что вы здесь за молитвенной карточкой. И потом сегодня вечером мы будем молиться за больных. И если Господь не поменяет мои намерения, я желаю сегодня вечером проповедовать на тему: *"Покажи нам Отца и довольно для нас"*.

Теперь я желаю прочитать сегодня для этой темы, просто, чтобы начать *"Историю Жизни"*, в Послании к Евреям в 13-й главе мы находим, давайте начнём где-то...я сказал бы, где-то с 12-го стиха.

Поэтому Иисус также, чтобы освятить людей Своей собственной Кровью, пострадал вне врат.

Итак выйдем...к Нему за стан, нося Его поругание.

неверующего человека) что эти картины везде, этот венец вокруг Христа, вокруг святых, что это просто психология". Он сказал: "Но, Почтенный Бранхам, механический глаз этого фотоаппарата не сфотографирует психологию! Свет прошёл через объектив и засветил фотоплёнку, и Это было там". И он сказал...

Я отдал это на их усмотрение. Он сказал: "О-о, мистер, вы знаете, сколько это стоит?"

И я сказал: "Не для меня, брат мой, не для меня". И так он сказал...

Конечно, это не произведёт такого эффекта при твоей жизни, но однажды, если цивилизация продлится и останется Христианство, с этим что-нибудь будет.

Итак, друзья, сегодня вечером, если это наше последнее собрание на этой земле, мы с вами пребывали в Присутствии Всемогущего Бога. Моё свидетельство — это правда. Много-много всего, понадобились бы тома книг, чтобы описать это, но я хочу, чтобы вы знали.

Сколько здесь тех, которые на самом деле (без фотографии) видели Сам Свет, пребывающий вокруг того места, где я проповедовал? Поднимите свои руки, по всему зданию, все, кто когда-нибудь Это видел. Видите, где-то восемь или десять рук, которые здесь сидят.

Ты скажешь: "Разве могли—могли они видеть Это, а я не видел Этого?" Да, сэр.

Та—та Звезда, за которой следовали мудрецы, прошла над каждой обсерваторией, а никто кроме них Её не видел. Они были единственными, которые Её увидели.

Илья стоял там и смотрел на все эти огненные колесницы и всё такое. И Гиезий оглянулся вокруг, он нигде их не видел. Бог сказал: "Открою глаза его, чтобы мог увидеть". И тогда он их увидел, видите. Но он был здоровым парнем, стоял там, смотрел вокруг, но он не видел этого. Конечно. Одним дано это видеть, а другим не дано. И это правда.

Но теперь те, что никогда Это не видели, никогда Это не видели, и те, что видели Это своими естественными глазами и никогда не видели фотографию, хотя те, которые видят фотографию имеют более сильное доказательство, чем те, которые видели Это своими естественными глазами. Потому что вы своими естественными глазами могли ошибиться, это могло быть оптическим обманом. Это так? Но Это не оптический обман, Это — Истина, научное исследование доказывает, что Это — Истина. Итак, Господь Иисус это сделал.

"Что же Это тогда, на твой взгляд, — вы скажете, — Брат Бранхам?"

себя". И я сказал: "Если я говорю Истину, Бог обязан мне засвидетельствовать, что Это — Истина".

И примерно в то время Нечто сошло: "Х-ш-ш-ш!" Вот Он идёт, сходит прямо вниз. И Американская Ассоциация Фотографов, Дугласская студия в Хьюстоне, штат Техас, имея там установленный большой фотоаппарат (там запрещено фотографировать), засняли на фото.

Когда они там снимали фотографии мистера Беста, и он—он сказал, прежде чем я сошёл туда, он сказал: "Подождите минутку! У меня здесь выходят шесть иллюстрированных журналов!" Он сказал: "Сюда, теперь щёлкайте мою фотографию!" И он поставил свой палец в нос того пожилого святого мужа, вот так, сказал: "Теперь снимайте мою фотографию!" И они сняли. Тогда он вытащил свой кулак и поднял его, сказал: "Теперь снимайте!" И вот так это сняли. Потом он сделал вот так, позируя для своей фотографии. Он сказал: "Увидите это в моём журнале!", в таком духе.

Брат Босворт стоял там и даже слова не сказал. Потом они просто сняли фотографию Этого.

Тем вечером по дороге домой, (это снял парень католик), он сказал другому парню, он спросил: "Что ты думаешь об Этом?"

Тот сказал: "Я знаю, что я критиковал его. Тот зоб, что оставил горло женщины, я сказал, что он её загипнотизировал". Сказал: "Я мог в этом и ошибиться".

Сказал: "Что ты думаешь о той фотографии?" "Я не знаю".

Они положили в проявитель. Вот здесь его фотография, можете спросить у него, если хотите. Они пошли домой, он сидел там и курил сигарету. Вошли и вытащили одну, Брата Босворта, там ничего не было. Вытащили две, три, четыре, пять, шесть, и все они были пустыми. Бог не допустил бы фотографии Своего святого пожилого мужа, стоящего там с этим лицемером, который размахивал вот так кулаком перед его носом. Он не позволил этого.

Они вытащили следующую, и там Это было. Сказали, что в тот вечер у того человека был сердечный приступ.

И они послали этот негатив в Вашингтон, округ Колумбии. На него наложили авторское право, послали назад.

И Джорджа Джея Лейси, начальника отдела ФБР по документированию отпечатков пальцев, и так далее, одного из лучших в мире в этой области, привезли туда и потратили два дня на проверку фотоаппарата, освещения, и всего остального. И когда мы в тот день пришли, он сказал: "Почтенный Бранхам, я тоже был вашим критиком". Он сказал: "И я сказал, что это психология, кто-то говорил, что они видели этот Свет и всё такое". И сказал: "Знаете, как говорят старые лицемеры, привыкли говорить, (он имел в виду

Ибо мы не имеем здесь постоянного города, но ищем будущего.

Вот такой текст. Потому что, видите ли, если это история жизни, или что-либо относящееся к человеческому существу, мы этого не прославляем, и в особенности человеческое прошлое, если оно настолько тёмное, насколько было моё. Но я подумал, если мы читаем Писание, Бог благословит Писание. И моя мысль такая:

Что мы, не имеем здесь постоянного города, но ищем будущего.

Так вот, я знаю, что вы очень любите Лос-Анджелес. Вы имеете на это право. Это большой прекрасный город. С его копотью и ещё чем-то, однако это прекрасный город, замечательный климат. Но этот город не будет продолжаться вечно, должен наступить конец.

Я стоял в Риме (где великие императоры) и города, которые, они думали, построены для бессмертия, закопаны на шестиметровой глубине, даже трудно найти их руины.

Я стоял там, где у фараонов были их великие царства, и вам придётся глубоко раскапывать, чтобы найти, где же там правили великие фараоны. Всем нам нравится думать о нашем городе и о наших местах. Но запомните, это не устоит.

Когда я был маленьким мальчиком, я ходил к огромному клёну. В нашей местности было много твёрдых пород. И потом у нас были эти кленовые деревья, сахарный клён, и как мы называем "твёрдый" и "мягкий клён". Это крепкое огромное дерево, это было самое красивое дерево. И когда я приходил с полей, работая на сене или на сборе урожая, я любил пойти к этому большому дереву, сесть под ним и смотреть наверх. И я видел его огромный ствол, и сильные, могучие ветви качались на ветру. И я сказал: "Вы знаете, я думаю, что это дерево будет стоять здесь сотни и сотни лет". Не так давно мне довелось взглянуть на то старое дерево — это просто коряга.

"Ибо не имеем здесь постоянного города". Нет, здесь на земле, на что вы ни взглянете, вы не найдёте ничего постоянного. Этому наступает конец. Всё, что смертное, находится далеко от вечности. Так что, не важно, насколько хорошими мы строим наши шоссе, какие замечательные делаем сооружения, — это всё уходит, ибо здесь нет ничего постоянного. Постоянно длится только Невидимое.

Я вспоминаю дом, в котором мы жили, — это была старая избушка, замазанная грязью. Я... Может быть многие и не видели такой мазанки. Но он был весь замазан грязью, и большие массивные брёвна, как бывает в старом

доме, я думал, что тот дом простоит сотни лет. Но, вы знаете, там, где стоял этот дом, сегодня проходит строительство. Место сильно изменилось. Всё меняется. Но...

И я смотрел на своего отца, он был невысокий и коренастый, очень сильный, из невысоких он был, насколько я знаю, одним из самых сильных. Я встретил господина Кутса, он работал с ним на лесозаготовках, он был лесорубом, где-то год назад, и г-н Кутс мой очень хороший друг, он дьякон в Первой Баптистской церкви, и он сказал: "Билли, ты, должно быть, очень сильный человек".

Я сказал: "Нет, вовсе нет, г-н Кутс".

Он сказал: "Если ты в отца, то должен быть таковым".

Сказал: "Я видел, как этот парень, который весил сто сорок фунтов [около 63 кг—Пер.], один загружал в вагон бревно весом девятьсот фунтов [примерно 400 кг—Пер.]". Он знал, как это делать. Он был сильный. Я наблюдал за ним, как он входил, умывался и готовился к обеду, когда мама его звала.

И у нас во дворе стояла старая яблоня, и там ещё за домом были три или четыре небольших. И как раз посередине дерева было старое побитое зеркало, довольно широкое. Было прикреплено к стволу дерева загнутыми гвоздями. Что-то вроде, как столяры, которые слушают, назвали бы "вешалками". Они были загнуты, чтобы удерживать зеркало на месте. Там был старый оловянный гребень. Кто из вас когда-нибудь видел старый оловянный...старомодный оловянный гребень? Я просто вижу перед глазами.

И потом там была скамейка для умывальника, просто короткая доска с косыми ножками под ней, прикреплённая к дереву. Там была маленькая старая зеленоватая помпа, которой мы качали воду, и мы умывались возле того старого дерева. А мама брала мешки из-под муки и делала полотенца. У кого-нибудь было полотенце из мучного мешка? Ну, я чувствую себя прямо как дома. Это такие большие грубые полотенца! И когда она купала нас, малышей, она...казалось будто кожу сдирают, каждый раз когда она вытирала. Я вспоминаю тот мешок от муки. Она вытягивала из него несколько нитей и получалась бахрама, как бы для украшения.

А кто из вас спал когда-нибудь на соломенном матраце? Ну, ты подумай, а! А кто из вас знал, что такое подушка с мякиной? Ну да, Брат Гловер, я у себя дома, это точно! Соломенный матрац, ещё бы, не так давно я его сменил, это было...О-о, хорошо спать, свежо. Потом в зимнее время они брали матрац с перьями и клали на него, вы знаете, и потом клали на нас сверху кусок брезента, потому что, понимаете, задувало снег в щели дома,

И прямо тогда Нечто пришло, начало кружить, и я знал, что Это был Ангел Господа, сказал: "Встань!"

Примерно пятьсот человек *вот так* взяли вместе за руки, сделали проход, сошёл на платформу.

Я сказал: "Друзья, я никакой не Божественный исцелитель. Я ваш брат". Я сказал: "Брат Бест, со всяким..." Или: "Брат Бест, — я сказал, — со всем уважением к вам, мой брат. Вы имеете право на свои убеждения, так же имею и я". Я сказал: "Конечно, вы видите, вы не смогли доказать свою позицию Брату Босворту. Не смогли бы вы так и с любимым, который внимательно читает Библию, который знает всё это". И я сказал: "Что касается исцеления людей, я не могу их исцелить, Брат Бест. Но я здесь каждый вечер, если вы хотите увидеть, как Господь совершает чудеса, приходите. Он делает это каждый вечер".

И он сказал: "Я хотел бы увидеть, как ты исцелишь кого-нибудь и дашь мне взглянуть на них! Ты можешь загипнотизировать их своим гипнозом, но, — сказал, — я бы хотел посмотреть на это год спустя!"

Я сказал: "Ну что ж, у вас есть право проверить их, Брат Бест".

Он сказал: "Никто, кроме вас, сборища тупых святош, не верит в такую чепуху, как эта. Баптисты не верят в такую чушь".

Брат Босворт сказал: "Одну минуточку". Сказал: "Сколько здесь людей на этих двухнедельных собраниях, которые находятся в хороших отношениях с этими замечательными баптистскими церквями здесь в Хьюстоне, и которые могут подтвердить, что вы были исцелены Всемогущим Богом, пока Брат Бранхам был здесь?" И встало более трёх сотен. Спросил: "Как насчёт этого?"

Он ответил: "Они не баптисты!" Сказал: "Любой может что хочешь засвидетельствовать, это не значит, что это верно!"

Сказал: "Божье Слово говорит, что это верно, и вы не можете этому противостоять. И люди говорят, что это верно, и вы не можете от этого отмахнуться. Так что вы будете делать с Этим?" Видите, в таком духе.

Я сказал: "Брат Бест, я говорю только Истину. И если я истинен. Бог обязан поддержать Истину". Я сказал: "Если Он не...Если Он не поддержит Истину, тогда Он не Бог". И я сказал: "Я не исцеляю людей. Я родился с даром видеть эти вещи, видеть, как это происходит. Я сказал: "Я знаю, что меня неправильно понимают, но я ничего больше не могу делать, чем исполнять убеждение своего сердца". Я сказал: "Я верю, что Иисус Христос воскрес из мёртвых. И если Дух, который приходит и показывает видения, и так далее, если в этом сомневаетесь, приходите и выясните". Я сказал: "И всё". Но я сказал: "Но что касается меня, я ничего не могу делать от самого

Потом у них возникла путаница. И Брат Босворт сказал: "Вы меня поражаете, Брат Бест, что не ответили ни на один вопрос, который я вам задал".

И так он тогда стал очень сильно возмущаться, он сказал: "Приведите этого Божественного исцелителя и покажите мне, как он это делает!"

Сказал: "Брат Бест, вы верите в спасение людей"? Он сказал: "Конечно!"

Он сказал: "Вы бы хотели, чтобы вас называли Божественным спасителем?"

Сказал: "Конечно, нет!"

"Так и...то, что вы проповедуете спасение души, не делает вас Божественным спасителем".

Он сказал: "Ну, конечно, нет!"

Сказал: "Так и Брат Бранхам не станет Божественным исцелителем оттого, что проповедует Божественное исцеление для тела. Он никакой не Божественный исцелитель, он просто указывает людям на Иисуса Христа".

Тот сказал: "Приведите его, покажите мне, как он это делает! Позвольте мне взглянуть на людей, которых он исцелил сегодня, и я скажу, верю я Этому или нет".

Брат Босворт сказал: "Брат Бест, это похоже ещё на один случай у Голгофы: 'Сойди с Креста, и мы поверим Тебе'." Видите?

И так, о-о, тогда он по-настоящему взорвался. Он сказал: "Покажите мне, как он это делает! Покажите мне, как он это делает!" Председатели заставили его сесть. Он пошёл туда, там стоял проповедник из пятидесятников, и толкнул его через всю платформу. И поэтому тогда они остановили его. (Итак, Брат Босворт сказал: "Сюда, сюда! Нет, нет".) Поэтому председатели заставили его сесть.

Рэймонд Ричи встал, сказал: "Это такое отношение у Южного Баптистского Съезда?" Сказал: "Вы, баптистские служители, этого человека послал сюда Южный Баптистский Съезд или он пришёл сам по себе?" Они не отвечали. Он сказал: "Я вас спрашиваю!" Он знал их, каждого.

Они сказали: "Он пришёл сам по себе". Потому что я знаю, что баптисты тоже верят в Божественное исцеление. Итак, потом он сказал: "Он пришёл сам по себе".

Итак, потом вот что случилось. Потом Брат Босворт сказал: "Я знаю, что Брат Бранхам находится на собрании, если он захочет пройти и распустить собравшихся — очень хорошо".

Итак, Говард сказал: "Сиди спокойно!"

Я сказал: "Я сажу спокойно".

где отходила старая кровельная дранка, вот, и через неё задувало снег. О-о, я это помню очень хорошо.

И потом, у папы была такая кисточка для бритья. Я...Ну вы сейчас удивитесь. Она была сделана из кукурузной мякины, кисточка для бритья из кукурузной мякины. Он брал мамино щелочное мыло, которое она делала, взбивал его и наносил на своё лицо этой кисточкой из кукурузной мякины, и брился старой прямой бритвой. А в воскресенье он брал куски газеты, заправлял за свой воротничок, они носили целлулоидные воротнички и закладывали вот так вокруг воротничка, чтобы мыльная пена не попала на воротник рубашки. Вы когда-нибудь видели, как это делают? Ух-ты, ай-ай-ай!

Я вспоминаю старый ручеек там внизу, куда мы ходили попить водички, и доставали оттуда воду ковшом, сделанным из тыквы. Кто из вас видел когда-нибудь ковш из тыквы? Ну надо же, так сколько же вас здесь из Кентукки? Н-да, пожалуйста, взгляните на этих кентуккийцев. Что ж, ого, я прямо как...я думал, что здесь все из Огайо и Арканзаса, но кажется, что понаехали кентуккийцы. Ну да, несколько месяцев назад они нашли нефть в Кентукки, вы знаете, так что некоторые из них проезжают этой дорогой.

И потом я помню, когда папа заходил и умывался перед обедом, он закатывал рукава на своих коротких крепких руках. И когда он умывался, бросал руками воду себе в лицо, эти тугие мускулы на руках перекачивались. И я говорил: "Вы знаете, мой папа будет жить сто пятьдесят лет". Он был таким сильным! Но он умер в пятьдесят два. Видите? "Здесь мы не имеем постоянного города". Это верно. Мы не постоянны.

Теперь давайте мы все совершим небольшую прогулку. У каждого из вас есть история жизни, также как у меня, и это хорошо иногда прогуляться по тропинке памяти. Разве не так? Просто обернуться назад, давайте все немного пройдемся назад, обратно к переживаниям детства.

А теперь первая часть истории жизни. Я только слегка коснусь её, потому что это есть в книге, которую имеют многие из вас.

Я родился в горной избушке, в горах Кентукки. У них была одна комната, в которой мы жили, на полу не было никакого коврика, не было даже досок, это был просто голый пол. И пень, срезанная верхушка пня с тремя ножками — это был наш стол. И все эти маленькие Бранхамы толпились вокруг него, и там перед этой старой избушкой, барахтались там, выглядело будто мышата барахтались там в пыли, знаете, все эти маленькие братишки. Нас было девять, и одна маленькая девочка, и у неё действительно было тяжёлое время среди той кучки мальчишек. Мы сегодня должны уважать её за те дни. Она не могла ходить с нами повсюду, мы обгоняли её, она была девочка. Так

что не было такого обхождения, вы знаете. У нас было...И все...

Помню, за столом у нас было два стула, они были сделаны из прутьев. Просто сплетены побеги гикбри, и основание отделано корой гикбри. Кто-нибудь видел стул из коры гикбри? Да-а. Я ещё слышу мамин голос. О-о, когда мы позже уже занимали деревянный пол, она с этими малышами на коленях *вот так*, и раскачивая этот старый стул, просто громыхал по полу. И я помню, как закрывала, чтобы малыши не выходили за дверь, когда она стирала или ещё что-то, она клала стул поперёк двери, чтобы малыши не выбрались наружу, когда она ходила к источнику за водой, и так далее.

Когда я родился, маме было пятнадцать лет, а папе восемнадцать. Я был первым из девяти детей. И они рассказывали мне, что в то утро, когда я родился...

Теперь, мы были очень бедными, просто бедные из бедных. У нас даже не было окна в этой избушке. Это была как бы деревянная дверца, которая открывалась. Сомневаюсь, что вы когда-нибудь видели что-то подобное. Деревянная дверца вместо окна, которая открывалась, её держали днём открытой, а на ночь закрывали. В те дни у нас не было электрического света и даже не могли зажечь керосинку, у нас была, как вы называете, "сальная лампа". Не знаю, знаете вы или нет, что это за "сальная лампа". Ну что ты будешь...Вы когда-нибудь покупали...зажигали пучок сосновых веток? Просто берёте пучок смолистых сосновых веток, поджигаете и кладёте на крышку, они горят. И это...немного коптит, но, во всяком случае, у них не было мебели, чтобы прокоптить. Так что...изба была прокопчёная. Но хорошо тянуло через крышу, там через неё хорошо проходило. Так что...

Я родился 6 апреля 1909 года. Так что, вы знаете, мне сейчас немного за двадцать пять. И вот так, в то утро, когда я родился, мама рассказывала, что они раскрыли то окошко. Вот, докторов у нас не было, была повивальная бабка. Просто...И этой повивальной бабкой была моя бабушка. И когда я родился и раздался мой первый крик, и—и мама захотела увидеть своего ребёнка. А она и сама-то была ещё ребёнок. И когда они раскрыли это окошко, как раз на рассвете, около пяти часов. И...И там на краю куста сидела малиновка. Как все вы видели её на картинке в моей книге о моей истории жизни. Та малиновка сидела там и просто пела, что было сил.

Я всегда любил малиновку. Вот, вы, мальчишки, что слушаете по радио, не стреляйте в моих птичек. Видите ли, они—они—они...Они мои птички. Вы когда-нибудь слышали легенду о малиновке, как она занимала красную грудку? Остановлюсь на минуту. Как она занимала свою красную грудку...Однажды на Кресте умирал Царь царей, и Он страдал и никто не пришёл к Нему. И некому было помочь Ему. И там была маленькая

Знаете, пожилой Брат Босворт вышел туда, как старый дипломат. Он выписал некоторые...У него там были выписаны шестьсот разных обетовании из Библии. Он сказал: "Так вот, Доктор Бест, не подниметесь ли вы сюда, чтобы опровергнуть этой Библией хоть одно из этих обетовании. Каждое из этих обетовании находится в Библии, относится к Иисусу Христу, исцеляющему больных в этот день. Если вы сможете взять одно из этих обетовании и с помощью Библии найти противоречие с Библией, я сяду, пожму вам руку, скажу: 'Вы правы'."

Он сказал: "Не беспокойтесь, когда заберусь туда я об этом позабочусь!" Он хотел последнего, чтобы стереть Брата Босворта в порошок, видите.

Итак, Брат Босворт сказал: "Хорошо, Брат Бест, я одно у вас спрошу, и если вы ответите мне 'да' или 'нет', — сказал, — мы прямо теперь прекратим дебаты".

И он сказал—он сказал: "Не беспокойтесь, я об этом позабочусь!"

Он попросил председателя собрания спросить его. Сказал: "Да".

Он сказал: "Брат Бест, применялись ли к Иисусу искупительные имена Иеговы? "Да" или "нет"?"

Это всё и решило. На этом всё и кончилось. Говорю вам, я просто почувствовал, как что-то прошло сквозь меня. Я сам никогда об этом не думал. И я подумал: "О-о, вот это да, он не может ответить! Вот и всё".

Он сказал: "Ну что ж, Доктор Бест, я—я встревожен". Он сказал: "Не беспокойтесь, я об этом позабочусь!"

Сказал: "Я встревожен, что вы не можете ответить на мой самый слабый вопрос". Он был совершенно невозмутим, и он знал, на чём он стоит. Итак, потом он просто сел там с этим Писанием.

Сказал: "Возьми свои тридцать минут, я отвечу потом!"

И пожилой Брат Босворт встал там и взял это Писание, и так повязал того человека, что его лицо так покраснело, казалось, об него можно было зажечь спичку.

Он поднялся оттуда злой и кинул на пол бумаги, поднялся туда, и отпроповедовал хорошую кампбеллитскую проповедь. Я был баптистом, я знаю, во что они верят. Он не...Он проповедовал о воскресении: "Когда это тление облечётся в нетление", тогда у нас будет Божественное исцеление. О-о, вот это да! Для чего нам нужно исцеление после того, как мы станем нетленны ("когда это тление облечётся в нетление", воскресение мёртвых)? Он даже сомневался в чуде, которое Иисус сделал с Лазарем, сказал: "Он потом умер, и это было просто временным". Видите?

И когда он вот так закончил, он сказал: "Приведите этого Божественного исцелителя и покажите мне, как он это делает!"

просто продолжает". Я сказал: "И всё, он просто без умолку болтает". Я сказал: "У нас раньше бывали такие, и говорить с ними не приносит никакой пользы". Я сказал: "Они как шли, так и пойдут, придерживаясь самих себя". Я сказал: "Если однажды они приняли знание Истины, а потом они не принимают Её, Библия говорит, что они пересекли разделяющую линию, и они не будут прощены ни в этом мире, ни в грядущем мире. Они называют Это 'дьяволом', и они не могут с этим ничего поделать. Они одержимы религиозным духом, который и есть дьявол".

Кто знает, что это правда, что дух дьявола религиозен? Да, сэр, такой фундаментальный, как только возможно. И так, тогда, когда я сказал "фундаментальный", это не пошло так гладко, но это правда. "Имеющие вид благочестия и отвергающие Силу его". Это так. Знамения и чудеса, вот что всегда подтверждает Бога. И Он сказал, что то же самое будет и в последние дни. И смотрите!

Пожилой Брат Босворт, я...он собирался прийти со мной, но он был уставший; он вернулся из Японии, он собирался здесь быть. Он поедет дальше, чтобы быть со мной в Лаббоке. И так он был...у него была сильная простуда, поэтому он не мог прийти на это, он и его жена. И так он...

Все думали, что он похож на Халева. Он стоял там, он сказал: "Ну что ж, Брат Бранхам", — (знаете, такой взгляд, полный чувства собственного достоинства), он сказал, — давай я пойду это сделаю, — и сказал, — если ты не хочешь".

Я сказал: "О, Брат Босворт, я—я не хочу, чтобы вы это делали. Начнёте поднимать шум".

Он сказал: "Не будет ни одного спорного слова".

Так вот, как раз перед тем, как я закончу, послушайте это. Он пошёл туда вниз. Я сказал: "Если не будете поднимать шум, ладно".

Сказал: "Я обещаю не поднимать шум".

В тот вечер где-то тридцать тысяч человек собрались в той аудитории. Брат Вуд, который сидит вот здесь, присутствовал в тот раз, и сидел в той аудитории. И я...

Мой сын сказал, или...Моя жена спросила: "Ты не пойдёшь на это собрание?"

Я сказал: "Нет. Я не хочу идти туда и слушать, как они спорят. Нет. Я не хочу идти туда и выслушивать это".

Когда наступил вечер. Нечто сказало: "Иди туда".

Я взял такси, мой брат и жена, и мои дети, мы поехали туда. И я поднялся на балкон номер тридцать, вот так высоко, и сел.

коричневая птичка, она захотела вытащить из Креста те гвозди, и она всё подлетала к Кресту и дёргала за те гвозди. Она была слишком маленькой, чтобы их вытянуть, и вся её маленькая грудка стала красная от крови. И с тех пор её грудка красная. Не стреляйте в неё, ребята. Оставьте их в покое.

Она сидела возле окна, чирикающая, как обычно поют малиновки. И папа распахнул окно. И когда распахнули окно, тот Свет, который видите на фотографии, вращаясь вошёл в окно, говорит моя мама, и завис над кроватью. Бабушка не знала, что и сказать.

Вот, мы...не были религиозной семьёй. Мои родственники католики. И я с обеих сторон ирландец. Мой отец чистый ирландец, Бранхам. Моя мать Харви; только, её отец женился на индианке из племени чероки, так что это смешало немного ирландскую кровь. Отец и мать не ходили в церковь, они женились не в церкви и у них вообще не было никакой религии. И там в горах не было даже католической церкви. Так что они оба, эти Бранхамы, перебрались туда среди ранних поселенцев, и с той весны пошло поколение Бранхамов; это родословная фамилии.

И тогда она открыла...Когда они раскрыли это окно и там встал этот Свет, они не знали, что делать. А папа в честь этого события купил себе (мама рассказывала) новый комбинезон. И он стоял...свои руки он держал в нагруднике комбинезона, как лесники и лесорубы в те дни. И это напугало их.

Вот, и когда мне было уже дней десять, или где-то так, они понесли меня в Баптистскую церковь под названием "Царство Опоссумов", Баптистская церковь Царства Опоссумов. Хорошенькое название. Там был священник, старомодный баптистский проповедник где-то раз в два месяца проезжал по тем местам. На...У людей было небольшое совместное служение, они пели несколько песен, но проповедь звучала, когда приезжал этот священник. Каждый год они платили ему по мешку тыквы и ещё что-то подобное, понимаете, что люди выращивали для него. И тот проповедник проезжал, и он совершил молитву за меня, как за маленького мальчика. Это было моё первое путешествие в церковь.

В возрасте примерно...где-то чуть больше двух лет, произошло первое видение.

Да, а там вокруг в горах рассказывали, что "вошёл тот Свет". Они пытались это как-то объяснить. Некоторые из них говорили, что это, должно быть, солнечный свет отражался в зеркале в доме. Но там не было никакого зеркала. И солнце ещё не взошло, было слишком рано, пять часов. И тогда, а-а, они просто обходили Это. И когда мне было около...полагаю, что около трёх лет...

Теперь, я должен честно признаться. Есть вещи, которые мне не хотелось бы говорить, и я желал бы их обойти и не говорить этого. Но однако, говоря правду, ты должен говорить правду — будь это о тебе или о твоих родных. Быть честным в этом, и таким образом всегда.

Мой отец был далеко не религиозным человеком. Он был типичным горным парнем, всё время выпивал, постоянно. И он попал в передрагу, в какой-то драке, и там в драке двое или трое мужиков чуть друг друга не постреляли и не порезали ножами, на какой-то вечеринке в горах. А папа был одним из зачинщиков этой драки, потому что там обидели его друга, и тот запустил в кого-то стулом. И был... А тот человек выхватил нож и собирался прирезать тут же на полу папиного друга ударом в сердце, и папа заступился. И это, должно быть, действительно была ужасная драка, потому что они аж из Бурксвилла, за много миль оттуда, они направили за отцом шерифа, на лошади.

Жизнь того человека висела на волоске. Может быть, кто-то из его родных слушает. Я назову его имя, его звали Уилл Ярброуг. Они, возможно... Я думаю, некоторые из них в Калифорнии, из его сыновей. Но он был задира, очень здоровый мужик, своего же собственного парня прибил колом от забора. Так что он—он был очень мощный и злой человек. И так между ним и моим отцом произошла сильная драка на ножах. И мой отец чуть его не убил, так что ему пришлось бежать из Кентукки через реку в Индиану.

И у него был брат, который жил в то время в Луисвилле, в Кентукки, был помощником управляющего "Вуд Мозаик Миллс" в Луисвилле, Кентукки. И так папа направился на поиски своего старшего брата. Папа был самым младшим из ребят, из семнадцати детей. Итак он пошёл разыскать своего старшего брата, и он пропал почти на целый год. Он не мог вернуться, потому что его разыскивали. И потом мы получили от него письмо, подписанное другим именем, там он говорил маме, каким образом будут поддерживать связь.

И ещё вспоминаю, однажды у ручья, что был как раз за домом (за этой хаткой). В то время после...девять...одиннадцать месяцев между мной и моим следующим братом, и он ещё ползал. И у меня в руке был большой камень, и я пытался показать ему, как сильно я мог кинуть тот камень в грязь, там где из земли вытекал ручей и была грязная почва. И я услышал птичку, она пела на дереве. Я взглянул на то дерево и птичка улетела, она улетела и Голос проговорил ко мне.

Да, я знаю, вы думаете, что я не мог думать и запомнить это. Но Господь Бог Судья, небо и земля и всё что есть, знают, что я говорю правду.

сидели и слушали: методисты, баптисты, просвитериане и так далее. И тогда я случайно посмотрел, подходя к двери, вот Это подходит, идёт: "Х-ш-ш-ш, х-ш-ш-ш!"

Я сказал: "Мне больше не придётся говорить, ибо вот Это идёт". И Это двинулось вверх, люди начали кричать. Подошло туда вверх, где был я, и опустилось там рядом.

Как раз тогда, когда Это опускалось, подбежал служитель и сказал: "Послушайте, я Это вижу!" И Это сильно ослепило его, он пошатнулся назад. Можете взглянуть там на его фотографию в книге и увидеть это, как он пошатнулся назад с опущенной *вот так* головой. Можете посмотреть его фотографию.

И там Это опустилось. В тот раз только газетный фотограф поймал Это. Но Господь не был готов.

И однажды вечером в Хьюстоне, в Техасе, когда, о-о, тысячи и тысячи людей... У нас было восемьсот...восемь тысяч там, как это называется, в том музыкальном зале, перешли назад в огромный Сэм Хьюстон Колизей.

И там на тех дебатах, в тот вечер, когда баптистский проповедник сказал, что я "никто иной, как низкий лицемер и самозванец, религиозный самозванец, и должен убираться из города", то как раз ему и надо было это сделать.

Брат Босворт сказал: "Брат Бранхам, и ты позволяешь, чтобы такое происходило? Призови его к ответу!"

Я сказал: "Нет, сэр, я не верю в суматошное разбирательство. Евангелие не для того, чтобы поднимать шум. Оно для того, чтобы жить". И я сказал: "Неважно, насколько ты убедишь его, он уйдёт таким же, каким пришёл". Я сказал: "Он...для него это неважно. Если Бог не может проговорить его сердцу, то как я смогу?"

На следующий день это вышло в печать, где было сказано: "Из этого сразу видно, из какого они теста", — в хронике Хьюстона. Говорилось: "Сразу видно, из какого они теста, раз они боятся постоять за то, что они проповедуют".

Старина Брат Босворт подошёл ко мне, ему уже было за семьдесят, замечательный пожилой брат, положил мне на плечо свою руку, сказал: "Брат Бранхам, — он сказал, — ты хочешь сказать, что не будешь отстаивать это?"

Я сказал: "Нет, Брат Босворт. Нет, сэр. Я не собираюсь это отстаивать". Я сказал: "Это не приносит никакой пользы". Я сказал: "Только создаст много шума, когда мы пойдём с платформы". Я сказал: "Теперь я провожу собрание, и я не хочу, чтобы всё вот так покатилося". Я сказал: "Пусть он

весит теперь примерно сто шестьдесят пять фунтов, совершенно здорова.

Когда я принял, это ушло. Потом Роберт Догерти позвонил мне. И вот это пошло по Техасу и по всему миру.

И однажды вечером, где-то на четвёртый или пятый раз... (Я не мог понять говорение на языках и так далее. Я верил в крещение Святым Духом, верил, что люди могут говорить на языках.) И однажды вечером, когда я подходил к... в кафедральном соборе, в Сан-Антонио, в Техасе, выходил там, какой-то приятель, сидел вот здесь, заговорил на языках как из автомата застрочил, или как из пулемёта, очень быстро. Сзади, там сзади поднялся парень и сказал: "ТАК ГОВОРIT ГОСПОДЬ! Этот человек, который идёт к платформе, выходит со служением, которое было назначено Всемогущим Богом. И как Иоанн Креститель был послан как первый предтеча прихода Иисуса Христа, так этот несёт Послание, которое послужит предпосылкой Второго Пришествия Господа Иисуса Христа".

Я чуть сквозь землю не провалился. Я поднял взгляд, я спросил: "Вы знаете того человека?"

Он сказал: "Нет, сэр".

Я спросил: "Вы его знаете?"

Он сказал: "Нет, сэр".

Я сказал: "Вы меня знаете?"

Он сказал: "Нет, сэр".

Я сказал: "Что вы здесь делаете?"

Он сказал: "Я прочитал это в газете". И обычно... Это был первый вечер собраний.

Я осмотрелся там и сказал: "Как вы сюда пришли?"

Сказали: "Кто-то из моих родных сказал мне, что вы будете здесь, "Божественный исцелитель", и я пришёл".

Я сказал: "Вы разве не знаете друг друга?"

Он сказал: "Нет".

О-о, вот это да! Тогда я увидел, что та же самая сила Святого Духа... Тогда как раньше я думал, что это ошибочно, и я знал, что я... Этот же самый Ангел Божий присоединился к тем людям, у которых всё это было. Хотя у них была и подделка, и много напутано, и много Вавилона в этом, но в этом было что-то подлинное. И я видел, что это—это была правда.

О-о, прошли годы, и на собраниях люди видели видения и всё такое.

Однажды фотограф заснял Это на фотографию, когда я стоял там, где-то в Арканзасе, мне кажется, там, примерно на таком же собрании, примерно в такой же аудитории. И я стоял, пытаюсь Это объяснить. Люди знали, они

Когда улетела та птичка, с того места, где сидела птичка на дереве, раздался Голос, будто ветер подул в кустах, и сказал: "Ты будешь жить недалеко от города по названию Нью-Олбани". И я жил, с трёхлетнего возраста до сего времени, в трёх милях от Нью-Олбани, Индиана.

Я пошёл и рассказал об этом моей матери. И что ж, она подумала, что мне просто приснилось или ещё что-то.

Позже мы переехали в Индиану, и отец пошёл работать к богатому человеку, к мистеру Уотену. Он владеет "Уотен Дистилерис". Он владеет огромных акций; он мультимиллионер, и "Луисвилл Кэнлс", и—и бейсбол и так далее. Тогда мы жили там вблизи. И папа был бедным, однако он не мог обходиться без выпивки, так что он—он начал делать виски перегонным аппаратом.

И тогда на меня лёг тяжкий труд, потому что я был старшим из детей. Мне приходилось ходить и носить воду для этого перегонного куба, чтобы охлаждать эти змеевики, когда они делали виски. Потом он продавал это, и потом он заимел два или три таких перегонных аппарата. Вот, мне не нравится рассказывать эту часть, но это правда. Я помню, как однажды я шёл из сарая в дом и плакал. Потому что там на краю местечка был пруд, это... где они рубили лёд. Многие из вас помнят, когда рубили лёд и складывали его в опилки. Да, таким образом мистер Уотен в той местности хранил лёд. А отец был у него шофёром, личным шофёром. И когда... этот пруд был полон рыбы, и когда они ходили рубить лёд и носили его, и складывали его в опилки, и когда этот лёд в летнее время таял, я думаю, он был довольно чистый, как лёд из озера, и они использовали его не для питья, но для охлаждения воды, обкладывали им свои вёдра и молоко, и так далее.

И однажды я таскал воду из этой колонки, которая была на расстоянии квартала. Я недовольно бормотал, глядя на тех, кому не приходилось, потому что я приходил со школы, а все мальчики уходили на пруд ловить рыбу. Я любил ловить рыбу. И, таким образом, они все, кроме меня, шли ловить рыбу, а я должен был таскать воду для этого перегонного аппарата. Конечно, ой-ой-ой, об этом был молчок, это было запрещено. И я... Это было так тягостно. Я помню, как я ходил с ушибленным пальцем на ноге, и у меня была кукурузная кочерыжка, привязанная под большим пальцем ноги, чтобы не становиться им в грязь. Вы когда-нибудь делали так? Просто *вот так* привязываешь верёвкой кукурузную кочерыжку под большим пальцем ноги. И палец торчит кверху, как голова черепахи, понимаете, торчит кверху. Вы везде смогли бы разыскать меня, куда бы я ни пошёл с этой кукурузной кочерыжкой под пальцем; куда я ковылял с ним, понимаете. Я не носил обувь, у меня её не было. Так что, мы никогда не носили обувь, иногда

ползимы. Если носили, мы...это было только то, что нам подбрасывали, кто-нибудь нам давал. И одежду, которую кто-нибудь нам милосердно давал.

И я остановился под этим деревом, и я сидел там и всхлипывал (это было в сентябре), потому что я хотел пойти на рыбалку, я должен был натаскать несколько бочонков воды маленькими вёдрами для патоки, *вот такой* высоты, по два литра, потому что я был просто малыш лет семи. И я выливал их в большой бочонок и шёл обратно, и приносил два других ведра и опять шёл, и накачивал их. Вот такая у нас была вода. И они собирались в ту ночь, там в доме, прогнать замес кукурузного виски, отец и тот человек.

И я рыдал, и вдруг я услышал какой-то шум, похожий на вихрь, что-то вот такое (я надеюсь, не получится слишком громко), вот так: "Хш-ш-ш-ш, хш-ш-ш-ш", просто вот такой шум. Что ж, было очень тихо, и я оглянулся вокруг. И знаете что, лёгкий вихрь, я думаю, вы называете их маленькими циклонами? Осенью они проходят по кукурузным полям, вы знаете, срывая листья, и так далее, и осенью там листья как раз начинали желтеть. И я был под большим белым тополем, стоящим на полпути между конюшней и домом. И я услышал тот звук. И я оглянулся, и там было так тихо, как в этом помещении. Нигде не шуршали листья, ничего такого. И я подумал: "Откуда идёт этот шум?" Вот, я подумал: "Должно быть далеко отсюда". Просто малыш. Он становился громче и громче.

Я подхватил свои ведёрки и всхлипнул ещё пару раз и пошёл по тропинке, я отдыхал. И я сделал только несколько шагов из-под ветвей этого большого дерева, и, ой, — звук вихря. И я оглянулся, и где-то посередине дерева было завихрение, кружилось и кружилось в том дереве, двигая листья. Что ж, я подумал, ничего в этом странного, потому что в такое время года, осенью, обычно бывают такие завихрения. Маленький...Мы называем их "завихрения". Они захватывают пыль. Вы их видели в пустыне. То же самое. И так я смотрел, но оно не уходило. Обычно, это просто такой порыв на какой-то момент, и потом движется, но это было там уже две минуты или больше.

Что ж, я опять двинулся по тропинке. И я снова оглянулся взглянуть на это. Как только Это опять случилось, человеческий Голос, также громко, как мой теперь сказал: "Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никоим образом. Для тебя будет труд, когда станешь старше". Ещё бы, это напугало меня до смерти! Можете представить, как этот малыш себя почувствовал. Я уронил те вёдра, и что было сил помчался домой, крича во весь голос.

А в той местности были мокасиновые змеи, они очень ядовитые. Мама подумала, что может быть, я наступил на мокасиновую змею, когда шёл

Писание. И так, с того момента и впредь я взял своё истолкование Этого: что сказал Святой Дух.

Я сказал Ему: "Я пойду".

Он сказал: "Я буду с тобой".

И Ангел опять шагнул в Свет, который начал вращаться вокруг и вокруг, и вокруг и вокруг, и вот так вокруг Его ног, вошёл в этот Свет и вышел из помещения.

Я пришёл домой новым человеком.

Пошёл в церковь и рассказал об этом людям. Это было в воскресенье вечером.

И в среду вечером они привели туда женщину, одну из медсестёр Майо, умирающую от рака, была только одна тень. Когда я подошёл туда, чтобы взяться за неё, передо мной появилось видение, показало, как она опять работала медсестрой. И она в Луисвилле в списке, как "много лет назад умершая". Теперь она там в Джефферсонвилле, работает медсестрой, годами работает медсестрой. Потому что я взглянул туда, и я увидел то видение. Я повернулся, почти не понимая, что я делал, когда стоял там, я задрожал, когда они впервые принесли мне этот случай и положили её там. И медсестры и все остальные стояли вокруг неё, и она там лежала, и всё её лицо провалилось, и глаза её глубоко впали.

Марджи Морган. Если вы хотите ей написать, это Ноблок Авеню 411, Джефферсонвилль, Индиана. Или пишите в больницу Кларка Каунти, в Джефферсонвилле, Индиана. Пусть она даст вам своё свидетельство.

И я взглянул туда. И вот вижу, появляется там этот первый случай, и вот приходит видение. Я видел, как эта женщина опять работает медсестрой, ходит везде, нормальная, сильная и здоровая. Я сказал: "ТАК ГОВОРIT ГОСПОДЬ: Ты будешь жить и не умрёшь!"

Её муж, очень высокий человек в этих мирских делах, вот *так* посмотрел на меня. Я сказал: "Сэр, не бойтесь! Ваша жена будет жить".

Он отозвал меня наружу, сказал...назвал двух или трёх докторов, сказал: "Ты их знаешь?"

Я сказал: "Да".

"Так вот, — сказал, — я играл с одним в гольф. Он сказал: 'Рак охватил её внутренности, даже клизмой нельзя промыть'."

Я сказал: "Мне неважно, что у неё! Но нечто вот здесь, я видел видение! И тот Человек, что рассказал мне, сказал, что бы я ни увидел, говорить это, и так это и будет. И Он сказал мне, и я этому верю".

Хвала Богу! Несколько дней спустя она стирала и ходила повсюду. Она

было. И я подумал: "Почему эти демоны так делают?"

Потом проповедники, говорят: "Это дьявол! Это дьявол!" Они меня вынуждали поверить этому.

И потом той ночью там, когда я...когда Он обратился к этому, я спросил Его, я сказал: "Так почему же все эти медиумы и все такие, и эти одержимые бесами люди, которые всё время говорят мне об Этом; а то духовенство, мои братья, говорят мне, что это от злого духа?"

Теперь послушайте, что Он мне сказал, вот Этот, Который на фотографии, что там висит. Он сказал: "Как это было тогда, так это и теперь". И Он начал напоминать мне, что: "Когда началось служение Господа Иисуса Христа, служители сказали: 'Он был Веельзевулом, дьяволом'; но бесы говорили: 'Он был Сыном Божьим, Святым Израиля'." Демоны...И взгляните на Павла и Варнаву, когда они были там и проповедовали. Служители сказали: "Эти люди весь мир вверх ногами переворачивают. Они нечестивые, они—они от дьявола". А какая-то там гадалка на улице распознала, что Павел и Варнава были мужами Божьими, сказала: "Они — мужи Божьи, которые указывают нам путь Жизни". Правильно? "Спиритисты и гадалки, одержимые бесами".

Но мы настолько закисли в теологии, что уже даже ничего не знаем о Духе. Надеюсь, что у вас ещё не пропала ко мне любовь. Но это как раз так. Я имею в виду и пятидесятников тоже! Это так. Просто восклицания и танцы кругом не значат, что вы что-то знаете о Духе.

Это личный контакт, лицом к лицу, вот что вам нужно. Вот какую Церковь собирается воздвигнуть Бог, это так, когда они соберутся вместе в единстве и в силе, в Духе.

И Он обратился к этому. И Он рассказал мне, как служители неверно Это поняли, и уверил меня, что служители поняли Это неверно. И когда Он мне всё об этом рассказал, что как Иисус...

Я сказал: "Хорошо, как насчёт этого, всего того, что со мной происходит."

И, видите, Он сказал: "Это умножится и станет сильнее и сильнее". И Он привёл мне, рассказывая, как Иисус это делал; как Он пришёл, и Он был обладаем Силой, которая могла предвидеть вещи и сказать женщине у колодца, не претендовал быть исцелителем, говорил, что делает дела, точно как Отец показывает Ему.

Я спросил: "Какой это был дух?" Он сказал: "Это был Святой Дух".

Тогда там нечто случилось внутри меня, я осознал, что я отвернулся от того, для чего Бог меня привёл сюда. И я осознал, что это было точно так, как с теми фарисеями в те далёкие дни, они мне неправильно истолковали

вдоль сада и она побежала меня встретить. И я прыгнул ей на руки, крича, обнимая и целуя её. Она спросила: "Что такое, тебя укусила змея?" Осмотрела меня всего.

Я сказал: "Нет, мама! Там на том дереве человек".

Она сказала: "Ох, Билли, Билли! Ну мошенник!" И она сказала: "Может ты перестанешь и пойдёшь спать?"

Я сказал: "Нет, мамочка! Там на дереве человек, и Он сказал мне не пить и не курить".

"Не пить виски и всё такое". А я как раз тогда носил воду для самогонного аппарата. И Он сказал: "Никогда не пей и не оскверняй своего тела никоим образом". Это аморально, вы знаете, и мой ребёнок...молодые мужчины с женщинами. И хорошо, что я ни разу не был в таком виновен. Господь помог мне в этом, я буду продолжать и вы увидите. И вот тогда: "Не пей и не кури, и не оскверняй своего тела, ибо будет труд для тебя, когда станешь старше".

Что ж, я рассказал это маме, а—а она только посмеялась. А я был просто в истерике. Она вызвала доктора, и доктор сказал: "Что ж, он просто перенервничал, вот и всё". Итак, она уложила меня спать. И я никогда, с того дня и до сих пор, больше никогда не проходил около того дерева. Я испугался. Я спускался по другой стороне сада, потому что я думал, что там на дереве сидел человек, и Он обращался ко мне, тот сильный Голос, что говорил.

И потом где-то через месяц после этого, я играл во дворе с моими маленькими братьями в шарики. И вдруг на меня нашло странное ощущение. И я остановился и сел возле дерева. И мы были как раз на берегу реки Огайо. И я взглянул в направлении Джефферсонвилля, и я увидел, как поднимается мост через ту реку. И я увидел шестнадцать человек (я сосчитал их), которые свалились оттуда и потеряли жизнь свою на том мосту. Я быстро побежал и рассказал это своей маме, и она подумала, что я просто заснул. Но они запомнили это, и двадцать два года спустя теперь муниципальный мост (многие из вас переезжают, когда едут туда) переброшен в том самом месте, и шестнадцать человек потеряли жизнь свою при строительстве того моста через реку.

Всегда безошибочно, всегда совершенно верно. Как вы видите Это здесь в аудитории, таким образом это было всегда.

Так вот, они подумали, что я был просто нервным. Конечно, я нервный человек, это правда. И, если вы замечали, люди, которые склонны к духовному — они нервные.

Взгляните на поэтов и на пророков. Взгляните на Уилльяма Коопера,

который написал ту знаменитую песню: "Источник жизни Бог открыл". Вы когда-нибудь... Вы знаете эту песню. Не так давно я стоял у его могилы. Брат Юлиус, я думаю, я не знаю, не... да, это верно, был с нами там на его могиле. И там, после того, как он написал ту песню, вдохновение оставило его, и он пытался найти реку, чтобы совершить самоубийство. Видите, дух оставил его. И люди, подобные поэтам и авторам и... то есть нет... я имею в виду пророков.

Взгляните на Илию, когда он встал на горе и вызвал с небес огонь, и вызвал с неба дождь. Потом, когда Дух оставил его, он бежал от угроз женщины. И Бог нашёл его там в пещере, спустя сорок дней.

Взгляните на Иону, было достаточно вдохновения, когда Господь помазал его проповедовать в Ниневии, да так, что город величиной с Сент-Луис покаялся, посылая голову пеплом. И потом, когда Дух оставил его, что с ним произошло? Мы находим его на горе после того, как Дух оставил его, умоляющим Бога забрать его жизнь. И, вы видите, это вдохновение. И когда это происходит, это—это что-то с тобой делает.

Потом я вспоминаю дальше. Я стал юношей. (Со следующей частью я немного потороплюсь.) Когда я был юношей, у меня были мысли, как у юношей. Я... ходил в школу, там я видел этих девочек. Вы знаете, я был очень застенчивым, знаете. И я—я, наконец, начал дружить с девочкой. Так же как и все мальчики лет пятнадцати, я думаю. И—и вот так, о, она была хорошенькая. Ещё бы, глазки у неё были, как у голубки, зубки у неё были, как жемчуг, а шея, как у лебёдушки, и она—она была действительно хорошенькая.

А другой мальчик, он... мы были приятелями, так что он взял у папы старенького "Форда" модели "Т", и мы назначили нашим девочкам свидание. И мы собрались поехать с ними кататься. У нас было достаточно денег купить литров восемь бензина. Нам пришлось поднять на домкрат заднее колесо, чтобы завести рукояткой. Я не знаю, помните вы или нет, как заводят рукояткой. Но мы—мы довольно хорошо прокатились.

А у меня в кармане было несколько пятаков, и мы остановились в местечке, и взяли... за пятак можно было купить бутерброд с ветчиной. И так, о-о, я был богатый, я смог купить четыре штуки! А? И потом мы съели эти бутерброды и выпили кока-колы. И я пошёл вернуть бутылки. И к моему удивлению, когда я вышел, (в те времена женщины как раз стали уходить с пути истинного, от женственности) моя голубка курила сигарету.

Я всегда имел своё мнение о курящей женщине, и оно ни на каплю не изменилось с того времени. Это верно. Это самое низкое, что она может делать. Совершенно верно. И я—я подумал... Что ж, сигаретная компания

на земле".

И я сказал: "Не знаю".

И она сказала: "Хорошо..." Она назвала две или три, две... три звезды: как Марс, Юпитер и Венера. Это были не они, но она сказала: "Они пересеклись своими траекториями и сошлись вместе, и соделали..." Сказала: "Три мудреца пришли встретиться с Господом Иисусом, и один был из родословной Хама, и другой от Сима, и третий от Иафета". И сказала: "Когда они встретились вместе в Вифлееме, три звезды, от которых они были... Каждый человек на земле, — сказала, — имеет какое-то отношение к звёздам". Сказала: "Спросите вот этого моряка, когда выходит луна и выходят небесные планеты, следует ли за этим прилив и прибывает".

Я сказал: "Нечего мне у него об этом спрашивать, я сам знаю".

И она сказала: "Так вот, ваше рождение имеет какое-то отношение к звёздам".

И я сказал: "А вот этого я не знаю".

И она сказала: "Так вот, эти три мудреца пришли". И сказала: "Когда эти три звезды, когда они... Они пришли с разных сторон и встретились в Вифлееме. И говорят, что они выяснили и посоветовались, и они были из родословных Хама, Сима и Иафета, от тех трёх сыновей Ноя". И она сказала: "Тогда они пришли и поклонились Господу Иисусу Христу". И сказала: "Когда они уходили, — сказала, — они принесли дары и положили пред Ним".

И сказала: "Иисус Христос в Своём служении сказал, что когда это Евангелие будет проповедано всему миру (людям Хама, Сима и Иафета), тогда Он придёт опять". И она сказала: "Так вот, те планеты, небесные планеты, когда они движутся вокруг..."

Сказала: "Они разделились. Известно, что с тех пор они никогда не были на земле. Но, — сказала, — каждые столько-то сотен лет их орбиты *вот так* пересекаются". (Если здесь, случайно, окажется астроном, вы, может, знаете, о чём она говорила, я не знаю.) Итак, когда она говорила... Сказала: "Они вот так пересекаются". И сказала: "В поминовение величайшего дара, который был дан человечеству, когда Бог отдал Своего Сына. Когда эти планеты опять пересекаются, — сказала, — Он посылает на землю ещё один дар". И сказала: "Вы были рождены на пересечении того времени". И сказала: "Вот почему я узнала это".

Ну, тогда я сказал: "Леди, во-первых, я ничему этому не верю. Я не религиозен, и я не хочу больше об этом слушать!" Отошёл. И так я довольно быстро от неё отделался. Итак, я пошёл и вышел.

И каждый раз, когда какая-нибудь... Я обходил таких стороной, так это и

бросило в дрожь". Потому что мне не нравилось думать об этом. Повернулся.

Она сказала: "Может быть, я получше объясню". Она сказала: "Я астролог".

Я сказал: "Я так и подумал, что вы кто-то такая".

Она сказала: "Я еду в Чикаго, чтобы проведать своего сына, он баптистский служитель".

И я сказал: "Да, мадам".

Она сказала: "Кто-нибудь когда-нибудь говорил вам, что вы рождены под знаком?"

Я сказал: "Нет, мадам". Я тогда солгал ей, видите, и я сказал...просто хотел увидеть, что она скажет. И она сказала...Я сказал: "Нет, мадам".

И она спросила: "Не...вам служители никогда не говорили?" Я ответил: "Я не имею ничего общего со служителями".

И она сказала: "Ага".

И я сказал...она—она сказала мне...Я сказал: "Ну..."

Она сказала: "Если я точно скажу вам, когда вы родились, вы мне поверите?"

Я сказал: "Нет, мадам".

И она сказала: "Хорошо, я могу сказать вам, когда вы родились".

Я сказал: "Я этому не верю".

И она сказала: "Вы родились 6-го апреля 1909 года в пять часов утра".

Я сказал: "Правильно". Я спросил: "Откуда вы это знаете?" Я предложил: "Скажите этому моряку, где он родился".

Сказала: "Я не могу".

И я спросил: "Почему? Откуда вы это знаете?"

Сказала: "Взгляните, сэр". Она сказала, когда она уже начала говорить об этой астрономии, то она сказала: "Каждые вот столько-то лет..." Сказала: "Вы помните, когда появилась утренняя звезда, которая привела мудрецов к Иисусу Христу?"

И я как бы увливал, знаете, я сказал: "Я ничего не знаю о религии".

И она сказала: "Хорошо, вы слышали о мудрецах, которые шли к Иисусу".

Я сказал: "Да".

И она сказала: "Ну так кем были мудрецы?"

"О-о, — я сказал, — они были просто мудрецами, это всё, что я знаю".

Она спросила: "А кто же тогда мудрец?" Она сказала: "То же самое, что и я, астролог, их называют 'звездочётами'." И она сказала: "Знаете, прежде чем Бог что-либо делает на земле, Он всегда это показывает на небесах, и потом

разозлится на меня за это, но, я говорю вам, это просто дьявольский трюк. Это самый большой убийца и диверсант в этой стране. Я предпочёл бы, чтобы мои дети были пьяницами, чем курильщиками. Это правда. Я предпочёл бы видеть как моя жена лежит на полу пьяная, чем видеть её с сигаретой. Вот как...

Так вот, Дух Божий, Который во мне, если Это Дух Божий (как вы, может, спрашиваете), когда вы, курильщики, оказываетесь там, у вас почти нет шансов, потому что это просто...каждый раз. Вы обратили внимание, как там на платформе Он осуждает это. Это ужасная вещь. Держитесь от этого подальше. Женщины, если вы виновны в этом, прошу во Имя Христа, бросьте это! Это ломает вас. Это убьёт вас. Это...это—это рак целыми вагонами.

Врачи пытаются вас предостеречь. А они потом продают вам эту дрянь! Если бы вы ходили в табачный магазин и говорили: "Покупаю...я хочу купить рак за пятьдесят центов". Они бы их позакрывали. Но когда ты за пятьдесят центов покупаешь сигареты, ты покупаешь то же самое. Так говорят врачи. О-о, этот народ помешался на деньгах. Как ужасно. Это убийца. Это доказано.

Что ж, когда я увидел, что эта хорошенькая девочка ведёт себя, как деловая, с этой сигаретой в руке, это чуть не убило меня, потому что я действительно думал, что люблю её. И я подумал: "Ну что ж..."

Так вот, меня обзывали "женоненавистником", вы это знаете, потому что я как будто всегда против женщин, но я не против вас, Сестры. Я просто против того, как себя ведут современные женщины. Это верно. Хорошие женщины должны держаться в стороне.

Но я вспоминаю, когда у моего отца работал этот самогонный аппарат, мне приходилось ходить за водой и всё такое, видел молодых дамочек, которым ещё не было семнадцати-восемнадцати лет, и там с мужчинами моего возраста, пьяные. И им приходилось их протрезвлять и давать им чёрный кофе, когда те отправлялись готовить ужин своим мужьям. Вот такие вещи, я сказал: "Я..." Тогда я отпускал такие реплики: "Они не заслуживают чистой пули, чтобы их пристрелить". Это верно. Я не любил женщин. Это верно. И сейчас я должен следить, чтобы так не думать.

Но вот хорошая женщина — это драгоценность в венце мужа. Её надлежит уважать. Она...Моя мама — женщина, моя жена — женщина, они очень милые. И у меня есть тысячи Христианских Сестёр, которых я очень уважаю. Но если—если они почитают то, чем Бог их сделал, — материнство, быть настоящими королевами, это хорошо. Из всего лучшего, что Бог мог дать мужчине — это была жена. Жена, если это хорошая жена, — является

самым лучшим, не считая спасения. Но если нет, как сказал Соломон: "Добродетельная жена — венец для мужа своего, а позорная или же плохая — как гниль в костях его". И это верно, это самое плохое, что может произойти. Так что добрая женщина...Если у тебя добрая жена, брат, ты должен в высшей степени почитать её. Верно, ты должен это делать. Настоящая женщина! И дети, если вы имеете настоящую мать, которая находится дома и старается заботиться о вас, следить, чтобы у вас была чистая одежда, отправляет вас в школу, учит вас об Иисусе, вы должны почитать такую милую маму всеми своими чувствами. Ты должен уважать такую женщину, да сэр, потому что она настоящая мать.

Они говорят о невежестве в горах Кентукки. Вы видите его в этой собачьей дряни. Некоторые из тех старых матерей могли бы прийти сюда на Голливуд и преподать урок современным матерям, как воспитывать своих детей. Вы разрешаете вашему ребёнку выходить вечером с взлохмаченными волосами и губами...в нижней юбке, (как вы это называете?) на их лицах всякая краска, платье у неё всё стянуто сбоку, и всю ночь её нет, пьяная, брат, схватила бы она хорошим ореховым прутиком и больше никогда не выходила бы. Я говорю тебе, она бы...И если бы побольше да почаще, у вас тут Голливуд был бы чуть получше и народ был бы получше. Это верно. Это правда. "Старайся быть современной" — вот он — один из трюков дьявола.

Да, вот эта девочка, когда я посмотрел на неё, моё сердце облилось кровью. И я подумал: "Бедняжка".

А она сказала: "О, Билли, хочешь сигарету?"

Я сказал: "Нет, мадам". Я сказал: "Я не курю".

Она сказала: "Ну вот, ты сказал, что ты не танцуешь". Они хотели отправиться на танцы, а я не пошёл. Они сказали, что там были танцы, они называли это Сады Сикоморов.

И я сказал: "Нет, я не танцую".

Она сказала: "Ну вот, ты не танцуешь, ты не куришь, ты не пьёшь. Как же ты развлекаешься?"

Я сказал: "Ну, мне нравится рыбачить и охотиться". Ей это было не интересно.

Итак она сказала: "Возьми сигарету".

Я сказал: "Нет, мадам, спасибо. Я не курю".

Я стоял на крыле. На старых "фордах" был такой борт, вы помните, и я стоял на том крыле, сидя на заднем сиденье, вместе с ней. И она сказала: "Ты что, не хочешь выкурить сигаретку?" Сказала: "И у нас, у девчонок, больше мужества, чем у вас".

женщина, она сидела там. И мы все шли, проходили мимо. Она сказала: "Эй, ты, подойди сюда на минутку!" И трое из нас, парней, повернулись. И она сказала: "Ты, в свитере в полоску" (это был я).

И я сказал: "Да, мадам?" Я подумал, что она, может быть, хотела, чтобы я пошёл и купил ей кока-колы или чего-нибудь ещё. И она была молодой женщиной, может быть, немного за двадцать, или где-то так, сидела там. И я подошёл, я сказал: "Да, мадам, чем могу быть полезен?"

И она сказала: "Послушай, а ты знаешь, что за тобой следует Свет? Ты был рождён под определённым знаком".

Я сказал: "Что вы имеете в виду".

Она сказала: "Так вот, ты был рождён под определённым знаком. За тобой следует Свет. Ты был рождён для Божественного призвания".

Я сказал: "Отстаньте от меня, женщина!"

И я пошёл дальше, потому что моя мать всегда говорила мне, что всё это от дьявола. Она была права. Итак, я...Это напугало меня.

И однажды, когда я был инспектором по охране дичи, я шёл к автобусу. И я сел в автобус. Казалось, всё время был подвержен духам. Я стоял там, и за мной стоял этот моряк. И я ехал патрулировать, и я ехал в лесничество Генривилля, ехал на автобусе. Я продолжал чувствовать что-то странное. Я оглянулся вокруг, и там сидела крупная полная женщина, хорошо одетая. Она сказала: "Здравствуйте!"

Сказал: "Здравствуйте!"

Я подумал, что это была обычная женщина, знаете, разговаривала, поэтому я просто продолжал...Она сказала: "Я хотела бы с вами минутку поговорить".

Я сказал: "Да, мадам?" Я повернулся. Она сказала: "Вы знаете, что вы рождены под знаком?"

Я подумал: "Ещё одна из этих странных женщин". Поэтому я просто продолжал смотреть на улицу. И так я не проронил ни слова, просто продолжал...

Она сказала: "Могу я с вами минутку поговорить?" И я просто продолжал...Она сказала: "Не ведите себя так".

Я просто продолжал смотреть вперёд. Я подумал: "Это не поджентельменски".

Она сказала: "Я хотела бы с вами немного поговорить".

Я просто продолжал смотреть вперёд и не обращал на неё никакого внимания. Я сразу подумал: "Что ж, посмотрю, скажет ли она то же самое, что и все остальные". Я повернулся, подумал: "О-о, вот это да! Я знаю, меня

Сказал: "Ничто...Если сделаешь так, что люди тебе поверят и будешь искренним, когда молишься, ничто не устоит перед твоими молитвами, даже рак". Видите: "Если сделаешь так, что люди поверят тебе".

И я видел, что Он не был моим врагом, Он был моим другом. И я не знал, или—или я умирал, или что происходило, когда Он вот так подходил ко мне. И я сказал: "Да, господин, — я сказал, — я..." Что я знал об исцелениях и обо всём таком, об этих дарах? Я сказал: "Господин, я же—я—я бедный человек". И я сказал: "Я среди своих родных. Я—я живу со своими родными, которые бедны. Я необразован". И я сказал: "И я—я не смогу, они—они не поймут меня". Я сказал: "Они не будут—они не будут меня слушать".

И Он сказал: "Как пророку Моисею было дано два дара, знамения, — точнее, — чтобы подтвердить его служение, так и тебе дано—так и тебе дано два дара, чтобы подтвердить твоё служение". Он сказал: "Один из них будет, что ты возьмёшь за руку человека, за которого ты молишься, своей левой рукой за его правую, — и сказал, — потом просто стой спокойно, и это будет...на твоём теле произойдёт физическое воздействие". И сказал: "Тогда ты молись. И если это уходит, то заболевание ушло из людей. Если это не уходит, просто проси о благословении и отходи".

"Ну что ж, — я сказал, — сэр, я боюсь, что они меня не примут".

Он сказал: "И следующим будет, если они не прислушаются к тому, тогда они прислушаются к этому". Сказал: "Тогда произойдёт так, что ты будешь знать даже тайны сердечные". Сказал: "К этому они прислушаются".

"Хорошо, — я сказал, — господин, вот почему я здесь сегодня вечером. Моё духовенство сказало мне, что всё это, что приходило ко мне, было неправильно".

Он сказал: "Ты был рождён в этот мир для этой цели". (Видите, "дары и призвание непреложны".) Он сказал: "Ты был рождён в этот мир для этой цели".

И я сказал: "Хорошо, сэр, — я сказал, — это, моё духовенство сказало мне, что это был злой дух". И я сказал: "Они...Вот почему я здесь молюсь".

И вот что Он процитировал мне. Он рассказал мне о приходе Господа Иисуса в Свой первый раз. И я сказал...

Странно было то, друзья...Хорошо, я прямо здесь остановлюсь только на минутку, вернусь назад. Что пугало меня больше всего, каждый раз, когда я встречал гадалку, они осознавали, что нечто происходило. И это просто...это чуть не убивало меня.

Например, однажды мы с двоюродным братом проходили через карнавал, и мы были просто мальчиками, проходили мимо. Итак, там в одной из этих палаток сидела гадалка, молодая женщина, красивая молодая

Я сказал: "Нет, мадам, я не хочу этого делать".

Она сказала: "Ну, ты просто большой неженка!" Ах, вот как! Я хотел быть крутым Биллом, никаких там телячьих нежностей. Понимаешь, я хотел быть первым бойцом, такое у меня было понятие жизни. Так что я сказал..."Неженка! Неженка!"

Я этого не выдержал, я сказал: "Дай сюда!" Протянул руку, сказал: "Я покажу ей, неженка я или нет". Вытащил сигарету и собирался зажечь спичку. Да, я знаю, что вы...Так вот, я не отвечаю за то, что вы подумаете, я отвечаю за то, чтобы говорить правду. Когда я попытался зажечь ту сигарету, намереваясь закурить так же определённо, как я беру эту Библию, я услышал, как что-то: "Хш-ш-ш-ш!" Я опять попытался, я не мог взять её в рот. И я зарыдал, и я выбросил это. Они начали смеяться надо мной. И я пошёл домой через поля, сел там и плакал. Это была ужасная жизнь.

Я помню, однажды папа поплыл вниз по реке с мальчиками. Мы с братом брали лодку и плавали вверх и вниз по реке, добывая бутылки, чтобы в них заливать виски. Мы собирали их там на реке, за дюжину получали пять центов. Папа был со мной, и у него была такая плоская...эти бутылочки были, кажется, по полпинты [около одного стакана—Пер.]. И там было сваленное дерево, и папа...И с ним был этот человек, мистер Дорнбуш. У меня была его...У него была хорошая лодка, и я хотел снискать его благосклонность, потому что хотел пользоваться его лодкой. У неё был хороший руль, а у моей вообще не было руля. Мы просто гребли старыми досками. И если бы он дал мне попользоваться той лодкой...Вот, он занимался сваркой, и он сделал для папы перегонный куб. Итак он...Они перекинули ноги через это дерево, и папа залез в задний карман и вытащил оттуда плоскую бутылочку виски, протянул тому, тот глотнул, вернул обратно папе, он тоже глотнул, и поставил её между стволом дерева и побегом. И мистер Дорнбуш взял её и сказал: "Давай, Билли, глотни".

Я сказал: "Спасибо, я не пью".

Он сказал: "Бранхам, и не пьёшь?" Чуть ли не каждый умирал не своей смертью. И он сказал: "Бранхам и не пьёшь?"

Я сказал: "Нет, сэр".

"Нет, — сказал папа, — я вырастил неженку".

Мой папа назвал меня неженкой! Я сказал: "Дай-ка мне бутылку!" Я решительно вытащил пробку и собрался выпить, и когда я подносил её, — вдруг: "Хш-ш-ш-ш!" Я вручил бутылку обратно и рванул через поле, что было сил, я плакал. Что-то не давало мне это сделать. Видите? Я бы не сказал, что я был хорош (ведь я собирался сделать это), но это Бог, милость, восхитительная благодать удерживала меня от таких вещей. Сам-то я хотел

делать это, но Он просто не позволял мне.

Позже я встретил девушку, когда мне было около двадцати двух лет, она была очень мила. Она ходила в немецкую лютеранскую церковь. Её звали Брумбах, Б-р-у-м-б-а-х, это происходит от фамилии Брумбаху. Она была замечательной девушкой. Она не пила и не курила, она не танцевала и ничего такого, замечательная девушка. Я походил с ней немного, и я...мне тогда было двадцать два, я зарабатывал достаточно, чтобы купить, наконец, старенького "форда", и я...мы вместе выезжали на прогулки. И в то время там вблизи не было лютеранской церкви, они переехали туда из Говард Парк.

И они были...один служитель, тот, который назначил меня в миссионерскую баптистскую церковь, Доктор Рой Дэвис. Сестра Упшоу, тот самый, который направил ко мне Брата Упшоу, то есть рассказал ему обо мне, Доктор Рой Дэвис. И так он проповедовал и имел Первую Баптистскую церковь, или...я думаю, что это была не Первая Баптистская церковь, а скорее это была Миссион-...называлась Миссионерская Баптистская церковь в Джефферсонвилле. И в то время он проповедовал в том месте, и мы по вечерам ходили в церковь, и возвращались. И я не присоединялся к церкви, но мне просто нравилось ходить с ней. Потому что первая мысль была "идти с ней", я должен честно признаться.

И так я ходил с ней, и однажды я...Она была из хорошей семьи. И я начал думать: "Ты понимаешь, я не должен отнимать время у этой девушки. Это—это неправильно, потому что она замечательная девушка, а я бедный и—и я..." Мой отец подорвал своё здоровье, и я—я...Я никоим образом не смог бы обеспечить совместную жизнь с такой девушкой, которая привыкла к красивому дому и коврикам на полу.

Вспоминаю, как я впервые увидел коврик, я не знал, что это такое. Я обошёл его сбоку. Я подумал, что я впервые в жизни вижу такую красивую вещь. "Как же они такую вещь положили на пол?" Это я первый раз увидел коврик. Это был—это был такой...кажется, их называли "половиками". Может, я неправильно назвал. Что-то вроде "плетёнки" или что-то сплетённое вместе, лежал там на полу. Красивый, зелёное с красным, и посередине сделаны такие большие розы, вы знаете. Это была красивая вещь.

И помню, как я—я нацелился, что я или попрошу её выйти за меня замуж, или я должен убраться, и пусть на ней женится какой-нибудь хороший человек, кто ей подошёл бы, мог бы заработать ей на жизнь и был бы к ней добр. Я мог быть к ней добрым, но я—я—я зарабатывал только двадцать центов в час. Так что я не мог её как следует обеспечить. И я...Нам приходилось заботиться всей семьёй, а отец подорвал здоровье, и я должен был обо всех заботиться, так что для меня это было тяжкое время.

бы янтарного цвета, летал: "Хш-ш-ш-ш, хш-ш-ш-ш, хш-ш-ш-ш!" вот так, прямо над Ним, вот так. И я взглянул на Это, и я подумал: "Что Это такое?" Так вот, Это напугало меня.

И я услышал, как кто-то идёт, [Брат Бранхам имитирует, как кто-то идёт—Ред.] просто шёл, только был босым. И я увидел, как вошла нога Человека. В комнате темно, везде, кроме того места, где Это светило прямо вниз. И я увидел, как вошла нога Человека. И когда Он вошёл в комнату. Взошёл вверх, Он был Человеком, примерно...казалось, весил, примерно, двести фунтов. Руки у Него были сложены вот *так*. Так вот, я видел Это в вихре, я слышал, как Он говорил со мной, и видел Это в форме Света, но в первый раз я увидел образ Этого. Он подошёл ко мне очень близко.

Так вот, если честно, друзья, я—я думал, что у меня сердце остановится. Я...Только представьте! Поставьте себя на то место, вы точно так же себя почувствовали бы от Этого. Может быть, вы прошли больше пути, чем я, может быть, дольше были Христианином, но вы почувствовали бы себя от Этого точно так же. Потому что после сотен и сотен посещений меня парализует, когда Он подходит ближе. Иногда это меня даже...Я почти падаю в обморок, просто так слабею, много раз, когда я уйду с платформы. Если я пробуду слишком долго, я совсем выйду из строя. Меня часами везде возили, а я даже не знал, где я находился. И я не могу этого объяснить. Прочитайте прямо здесь в Библии, и Она объяснит Это, что это такое. Писание так говорит!

Итак, я сидел там и смотрел на Него. У меня—у меня рука была как бы поднята вот *так*. Он смотрел прямо на меня, просто так приятно. Но у Него был очень низкий Голос, и Он сказал: "Не бойся, Я послан из Присутствия Всемогущего Бога". И когда Он проговорил этим Голосом, это был тот же самый Голос, который проговорил ко мне, когда мне было два года, всё время. Я знал, что это был Он. И я подумал: "Теперь..."

И послушайте это. Теперь послушайте разговор. Я процитирую его, насколько смогу, насколько знаю, слово за словом, потому что я почти не запоминал.

Он...Я сказал...Вот так посмотрел на него. Он сказал: "Не бойся, — просто тихо так сказал, — Я послан из Присутствия Всемогущего Бога, чтобы сказать тебе, что твоё необычное рождение..." Вы уже знаете, каким было моё рождение. Тот же самый Свет повис надо мной, когда я только родился. И так Он сказал: "Твоё необычное рождение и всякие недоразумения в жизни были для того, чтобы показать, что ты должен пойти по всему миру и молиться за больных". И сказал: "И несмотря на то, что у них..." И Он указал (Бог — Мой Судья, знает), что Он указал на "рак".

место ставят человека". И я сказал: "Меда, я не выйду из этих лесов, пока Бог не пообещает мне, что Он заберёт это от меня и не позволит, чтобы это опять происходило". Подумайте только, в каком неведении может находиться человек!

И я пошёл туда в тот вечер. Вернулся назад в эту старенькую лачугу до наступления следующего дня; было поздновато. Я собирался пойти в свой лагерь на следующий день, туда на...подальше за гору или, точнее, за холм и добраться до тех лесов. Я думаю, даже ФБР не нашло бы меня там. Итак, эта старенькая лачуга...Я молился весь тот день и до тех пор, пока не стало слишком темно. Я молился, читал то место в Библии, где Она говорит: "Дух пророков подчиняется пророку". Я не мог этого понять. Итак, в этой старенькой лачуге стало слишком темно.

Я обычно там ставил капканы, когда ещё был мальчиком, там у меня была цепь капканов, я шёл туда и ловил рыбу, и проводил ночь. Просто такая полуразвалившаяся лачуга, стояла там годами. Может быть, там кто-то обитал, пока всё не стало таким.

И так я—я просто ожидал там. И я подумал: "Ну". Дождлся часа, двух часов, трёх часов утра, ходил вверх и вниз по лачуге, ходил туда-сюда. Я сидел там на небольшой табуретке, на небольшом...не табуретке, на небольшом старом ящике от чего-то. И я сел там, и я подумал: "О Боже, почему Ты со мной это делаешь?" Я сказал: "Отец, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты знаешь, что я люблю Тебя! И я—я—я не хочу быть одержимым дьяволом. Я не хочу, чтобы эти вещи происходили со мной. Боже, пожалуйста, не дай такому происходить со мной".

Я сказал: "Я—я люблю Тебя. Я не хочу идти в ад. Какая польза от моей проповеди и старания, и приложения своих усилий, если я не прав? И если тащу в ад не только себя, а сбиваю с пути и тысячи других". Или, сотни других, в те дни. И я сказал...У меня было большое служение. И я сказал: "Я—я же не хочу, чтобы это опять происходило со мной".

И я сел на эту табуретку. И я просто сидел, о-о, примерно в таком положении, точно вот *так*. И вдруг внезапно я увидел, как в комнате замерцал Свет. И я подумал, что кто-то шёл с фонариком. И оглянулся вокруг, и я подумал: "Ну..." И вот Это было там, прямо там, напротив меня. И на старых досках, на полу. И вот Это было там, прямо напротив меня. И в углу стояла часть цилиндрической печки, верх с неё был сорван. И—и прямо *здесь* был Свет на полу, и я подумал: "Откуда же это? Это же не может исходить..."

Я оглянулся вокруг. И вот Он был надо мной, *этой* тот же самый Свет, прямо там, надо мной, висел прямо вот *так*. Кружился кругом как огонь, как

Итак я подумал: "Что ж, единственное, что мне остаётся сделать, это сказать ей, что я—я —(она)—я—я больше не приду, потому что я слишком много думал о ней, чтобы не испортить ей жизнь, чтобы она не обманулась со мной". И потом я подумал: "Если кто-нибудь захочет жениться на ней и заботиться о ней, создать семейный очаг. И если я не могу быть с ней, я буду знать, что она счастлива".

Я подумал и так: "Но я—я просто—я просто не могу её оставить!" И я—я был в ужасном положении. И день за днём я думал об этом. Итак я был слишком застенчивым, чтобы попросить её выйти за меня замуж. Каждый вечер я настраивался: "Я спрошу её". И когда я, ох, что это, как будто в тебе нервная дрожь...? Наверно у всех братьев были подобные переживания. Действительно интересное ощущение, моё лицо пылало. Я просто не знал. Я не мог её спросить.

Я думаю, вы удивляетесь: как это я всё-таки женился. Вы знаете что? Я написал ей письмо и спросил её. И вот так её...Вот, это не было "дорогая барышня", это было немного побольше чувств (вы понимаете). Это не был просто какой-то договор, это было...Я—я написал как только смог.

Но я немного побаивался её матери. Её мать была...она была резкая. И, но её отец был вежливый датчанин, замечательный старина. Он был организатором товарищества на железной дороге, железнодорожником, получал в те времена долларов пятьсот в месяц. А я зарабатывал двадцать центов в час, и собирался жениться на его дочери. Ух! Я знал, что это не сработает. И её мать была очень...Ну, она замечательная женщина. И она—она была типа одной из этих высших слоев общества, вы знаете, и такая жеманная, знаете, так что во всяком случае с меня ей было мало пользы. Я был простой, откровенный деревенский парень, а она думала, что для Хоуп подошёл бы парень классом повыше, и я—я—я думаю, что она была права. И так...Но тогда я так не думал.

Итак я подумал: "Ну что ж, я не знаю, как это сделать. Я не могу спросить её отца, и я, конечно же, не собираюсь спрашивать её мать. Так что я сначала спрошу её". Итак я написал письмо. И утром по дороге на работу я опустил его в почтовый ящик. Почта...Это было в понедельник утром, а в среду вечером мы собирались пойти в церковь. И весь день в воскресенье я пытался заговорить с ней о том, что хочу жениться, но у меня просто не хватало храбрости.

И тогда я опустил его в почтовый ящик. И в тот день на работе я вдруг подумал: "А что если это письмо обнаружит её мать?" Ой-ой-ой! Если она его перехватит — со мной всё пропало, потому что обо мне она особенно не беспокоилась. Я просто гнал эти мысли.

И когда я пришёл в среду вечером, ох, я подумал: "Как же я пойду туда? Если её мать перехватила то письмо, уж она-то мне задаст, нет, надеюсь, что она получила".

Я адресовал его "Хоуп". Это было её имя — Хоуп [Надежда—Пер.] Итак, я сказал: "Я напишу его прямо Хоуп". И так...И я думал: "А может быть она его не получила".

Так что я кое-что знал, не только что остановиться там и сигналить, чтобы она вышла. О нет! Если у парня не хватает храбрости зайти в дом и постучать в дверь и попросить, чтобы позвали девушку, нечего ему и гулять с ней. Это точно. Это так глупо. Это дешёво. Итак я остановил свой старенький "форд", понимаете, я его вычистил до блеска. И я пошёл и постучал в дверь. Смилуйтесь, дверь открыла её мама! У меня перехватило дыхание, я сказал: "Здра-здра-здравствуйте, миссис Брумбах". Н-да.

Она сказала: "Здравствуй, Уилльям".

Я подумал: "Ого, Уилльям!"

И она сказала: "Ты зайдёшь?"

Я сказал: "Благодарю вас". Я шагнул в дверь. Я сказал: "Хоуп уже готова?"

Как раз тут и Хоуп, скачет через весь дом, ну просто девочка лет шестнадцати. Она сказала: "Привет, Билли!"

Я сказал: "Привет, Хоуп". Я спросил: "Ты готова идти в церковь?"

Она сказала: "Одну минуту".

Я подумал: "Вот дела! Она не получила его. Она не получила его. Хорошо, хорошо, хорошо. И Хоуп тоже его не получила, так что всё в порядке, потому что она упомянула бы мне о нём". Я почувствовал себя лучше.

И потом, когда мы пришли в церковь, я подумал: "А что если она его получила?" А? И я не слышал, что там говорил д-р Дэвис. Взгляну на неё и подумаю: "А что если она просто умалчивает, чтобы я отстал от неё со своими предложениями". И я не слышал, что там говорил Брат Дэвис. И—и я взглянул на неё, я подумал: "О, мне не хочется её бросать, но...И я—я...но, конечно, наступит развязка".

Итак после церкви мы вместе пошли по улице, мы шли к этому старенькому "форду". Всю дорогу ярко светила луна, вы знаете, я взглянул на неё, она была такая милая. Ребята, я взглянул на неё и подумал: "Эх, как я хотел бы быть с ней, но кажется, что не смогу". Мы проехали ещё немножко, знаете, и я опять взглянул на неё. Я сказал: "Как—как ты себя чувствуешь сегодня?"

Я сказал: "Я не могу поехать, я должен сходить в лесничество".

И я...просто шёл вокруг дома и снимал свой ремень, ремень от ружья и всё такое, и закатывал рукава. Мы жили в небольшом двухкомнатном домике, и я собирался помыться и приготовиться к обеду. И я умылся, и просто шёл возле дома под большим клёном, и вдруг внезапно Что-то начало: "Хш-ш-ш-ш!" И я чуть было не потерял сознание. И я взглянул, и я знал, что это опять было То.

Я сел на ступеньках, а он выпрыгнул из машины, подбежал ко мне, говоря: "Билли, тебе плохо?"

Я сказал: "Нет, нет".

Он спросил: "Что случилось, Билли?"

И я сказал: "Я не знаю". Я сказал: "Просто не обращай внимания, брат, всё в порядке. Благодарю".

Моя жена вышла и принесла кувшин воды, она спросила: "Дорогой, в чём дело?"

Я ответил: "Ничего, любимая".

Итак, она сказала: "Пойдём, обед уже готов", и она обняла меня, стараясь меня довести.

Я сказал: "Дорогая, я—я хочу тебе кое-что сказать". Я сказал: "Позвони им туда и скажи, что меня сегодня днём там не будет". Я сказал: "Меда, дорогая, — я сказал, — я знаю в сердце своём, что я люблю Иисуса Христа. Я знаю, что я перешёл от смерти в Жизнь. Но я хочу, чтобы дьявол не имел ничего общего со мной". И я сказал: "Я больше так не могу, я узник". Я сказал: "Всё время, когда это продолжает происходить и всё такое, и эти видения приходят, и всё в этом роде. Или, чем бы это ни было, — я сказал, — это случилось со мной". Я не знал, что это было видение, я не называл это видением. Я сказал: "Такое, как транс, — я сказал, — я не знаю, что это. И, дорогая, я—я—я—я не хочу с этим играть, они—они говорят мне, что это дьявол. А я люблю Господа Иисуса".

"О-о, — сказала она, — Билли, тебе не следует слушать, что говорят люди".

Я сказал: "Но, дорогая, посмотри на других проповедников". Я сказал: "Я—я не хочу этого". Я сказал: "Я пойду в своё место в лесах. У меня есть где-то пятнадцать долларов, позаботься о Билли". Тогда Билли был крохотным мальчиком, маленьким мальчуганом. Я сказал: "Ты—ты возьми...Этого достаточно тебе и Билли, чтобы прожить некоторое время. Позвони им и скажи, что я—я, может быть, вернусь завтра, а может быть, никогда не вернусь. Если я не вернусь в ближайшие пять дней, пусть на моё

крестил семнадцатого человека; когда я начал крестить, то я сказал: "Отец, когда я крещу его водой, Ты крести его Святым Духом". Я начал опускать его под воду.

И как раз тогда свыше с небес пришёл вихрь, и вот приходит тот Свет, сияя вниз. Сотни и сотни людей на берегу, прямо в два часа дня в июне. И Он завис прямо над тем местом, где был я. Голос проговорил оттуда и сказал: "Как Иоанн Креститель был послан, как предтеча первого пришествия Христа, так у тебя есть...имеешь Послание, которое предвестит Второе Пришествие Христа". И это сильно напугало меня.

И я вышел назад, и все люди там, эти—эти литейщики, и все другие, аптекарь, и все они на берегу. Тем днём я крестил где-то две или три сотни. И когда они забрали меня, вытащили меня из воды, дьякона и все остальные подошли, они спросили меня, сказали: "Что значил этот Свет?"

Большая группа негров из—из баптистской церкви Гилед Эйдж и церкви Лоун Стар вон там, многие из них были там, они начали кричать, когда увидели, как это происходило, люди падали в обморок.

Одна девушка, — я хотел, чтобы она вышла из лодки, — сидела там в купальном костюме, учительница воскресной школы в церкви, и я сказал: "Марджи, ты выйдешь из лодки?"

Она сказала: "А чего я обязана выходить, Билл?"

Я сказал: "Это так, ты не обязана, но должно быть почтение к Евангелию, чтобы выйти отсюда, я здесь крещу".

Она сказала: "Я не обязана."

И когда она сидела там, хихикая и смеясь надо мной, когда я крестил, потому что она не верила в крещение, итак, тогда, когда сошёл Ангел Господень, она упала лицом вперёд в лодку. Сегодня эта девушка в заведении для душевнобольных. Поэтому, просто нельзя играть с Богом. Видите? Так вот, позже...Красивая девушка, позже начала пить, её ударили бутылкой, пивной бутылкой, изрезали всё её лицо. О-о, ужасно выглядела! И это там случилось.

И потом всё время на протяжении всей жизни я это видел, видел это движение, видел эти видения, как произойдут эти вещи. Потом, немного погодя, Это так сильно продолжало беспокоить меня, и все говорили мне, что Это было неверно. И я удалился в своё старое излюбленное место, туда, где я всегда молился до конца. И я...Неважно, сколько бы я ни продолжал молиться, чтобы Это не приходило, Это всё равно приходило. И так я был просто...я был—я был инспектором по охране дичи в штате Индиана. И я пришёл, там сидел человек, брат моего пианиста из Скинии. И он сказал: "Билли, не хочешь поехать со мной днём в Медисон?"

Она сказала: "Очень хорошо".

Я остановил своего "форда", мы вышли, и направились вокруг к её дому. И я шёл с ней до самой двери. Я подумал: "Знаешь, наверно она не получила это письмо, так что забудь об этом. Во всяком случае у меня будет ещё одна благодатная неделя". Так что я себя замечательно почувствовал.

Она сказала: "Билли".

Я сказал: "Да".

Она сказала: "Я получила твоё письмо". Ой-ой!

Я спросил: "Получила?"

Она сказала: "Ага". Хм, она шла как ни в чём не бывало, не добавив ни словечка.

Я подумал: "О женщина, ну скажи мне что-нибудь. Или отправь меня восвояси или скажи, что ты думаешь об этом". И я спросил: "Ты его прочитала?"

Она сказала: "Ага".

Н-да, вы знаете, как женщина может держать тебя в неведении. О, я не имею в виду только в этом смысле. Понимаете? Но, во всяком случае, вы знаете, я подумал: "Что же ты ничего не говоришь?" И я продолжал идти. Я спросил: "Ты всё прочитала?"

И она...[Пробел на ленте—Ред.] "Ага".

Мы были почти уже у двери, и я подумал: "Ну давай же, не тяни до двери, а то они ещё опередят, ну говори же". Я ждал.

И она сказала: "Билли, я с радостью хочу сказать". Она сказала: "Я тебя люблю". Да благословит Бог душу её, она теперь во Славе. Она сказала: "Я тебя люблю". Сказала: "Я думаю, что мы должны сказать об этом нашим родителям. Как ты думаешь?"

Я сказал: "Дорогая, послушай, давай начнём с того, что сделаем это напополам". Я сказал: "Я расскажу твоему папе, если ты расскажешь своей маме". Ободряя её исполнить более тяжкую часть, для начала.

Она сказала: "Хорошо, если ты сначала скажешь моему папе".

Я сказал: "Хорошо, я расскажу ему в воскресенье вечером".

И вот наступил воскресный вечер, я привёз её из церкви домой и я...Она смотрела на меня. И я взглянул, было девять тридцать, это было время, когда я обычно уходил. Итак, Чарли сидел за своим столом и печатал. А миссис Брумбах сидела в углу и что-то вышивала тамбуром, вы знаете, или на таких маленьких обручах, понимаете. Я не знаю, как это у вас называется. И вот она там что-то такое делала. Хоуп продолжала смотреть на меня, показывая своим взглядом, понимаете, побуждая, чтобы я шёл к отцу. И я...Ой-ой-ой! Я

подумал: "Что если он скажет 'Нет'?" Итак я начал потихоньку поближе к двери, я сказал: "Ну что, я, наверно, пойду".

И я зашагал к двери, и она со мной направилась к двери. Она всегда шла до двери и говорила мне "спокойной ночи". Итак я направился к двери, и она сказала: "Ты не собираешься ему говорить?"

И я сказал: "Хм!" Я сказал: "Я, конечно, попытаюсь, но я—я—я не знаю, как это сделать".

И она сказала: "Я вернусь обратно, а ты его позови на улицу". Итак она вернулась обратно и оставила меня там.

И я сказал: "Чарли".

Он повернулся и сказал: "Да, Билл?"

Я сказал: "Я могу с вами одну минуту поговорить?"

Он сказал: "Конечно". Он повернулся за своим столом. Миссис Брумбах взглянула на него, посмотрела на Хоуп и взглянула на меня.

Я сказал: "Может, мы выйдем на крыльцо?"

Он сказал: "Давай выйдем". Итак он вышел на крыльцо.

Я сказал: "Хороший вечер, не так ли?"

Он сказал: "Это точно".

Я сказал: "Довольно тепло".

"Да, конечно", — он взглянул на меня.

Я сказал: "Тяжко потрудился, — сказал я, — вы знаете, даже мозоли на руках натёр".

Он сказал: "Ты можешь забирать её, Билл". Ух ты! "Ты можешь забирать её".

Я подумал: "О, это уже лучше". Я сказал: "Вы серьёзно, Чарли?" Он сказал... Я сказал: "Послушайте, Чарли, я понимаю, что она ваша дочь, и вы хорошо зарабатываете".

Он взял меня за руку. Он сказал: "Послушай Билл, деньги — это ещё не всё в жизни человека". Он сказал...

Я сказал: "Чарли, я—я зарабатываю только двадцать центов в час, но я люблю её, и она любит меня. И я обещаю вам, Чарли, я буду работать, пока эти... натирая мозоли на руках, чтобы обеспечить ей жизнь. Я буду предан ей, насколько смогу".

Он сказал: "Я тебе верю, Билл". Он сказал: "Послушай, Билл, я хочу тебе сказать". Сказал: "Ты знаешь, делать деньги — это не означает быть счастливым". Сказал: "Просто будь добрым к ней. Я знаю, что ты будешь".

Я сказал: "Благодарю вас, Чарли. Конечно, я буду".

Затем была её очередь рассказать маме. Я не знаю, как ей это удалось, но

Я подумал: "Это здесь. Я теперь услышу, что бы Он не... Он пробудил меня здесь, Он прямо теперь собирается дать мне видение". И я ждал и ждал на краю того бревна. Я встал и ходил туда-сюда, вверх и вниз. Вернулся назад, ничего не происходит. Опять подошёл назад к своей пещере; ничего не случилось. Я стоял там, я подумал: "Ну, что это?"

Я опять подошёл к своей Библии и о-о, Это опять сошло просто повсюду вокруг меня. Я взял Её, и я подумал: "Что же Он хочет, чтобы я прочитал там?" Я продолжал дальше читать про "покаяние к Богу и вере", и так далее, и я дочитал до того места, где в Ней сказано: "Многokrатно сходящий дождь возделывает и приготавливает её для того, для чего она и возделывается, для этого, но тернии и волчцы, которые близки к отвержению, конец которых — сожжение". И, о-о, Это меня просто потрясло!

И я подумал: "Господь, не собираешься ли Ты дать мне видение о том, что..." Я был там наверху, прося у Него кое-что другое.

Тогда внезапно я увидел пред собой вращающийся мир, он был весь вспахан. И вот здесь пошёл человек в белом, с поднятой головой, вот так сея Семена. И когда он ушёл, проходя, как только он зашёл за холм, вот здесь за ним идёт человек, одетый в чёрное, склонив голову, сея семена. И когда хорошие Семена взошли, это была пшеница; и когда взошли плохие семена, это были сорняки.

И потом на земле наступила великая засуха, и пшеница повесила голову, почти погибала, желая воды. И я видел, как все люди подняли руки, молились, чтобы Бог послал воду. И потом я увидел сорняк, он опустил свою голову, склонившись, просил воду. И как раз тогда огромные облака пришли и дождь просто обрушился вниз. И когда он пролился, пшеничка, которая совсем было согнулась, начала: "У-ш-ш", выпрямилась. И сорнячок рядом с ней начал: "У-ш-ш", выпрямился.

Я подумал: "Ну что это?"

Потом Это пришло ко мне. Вот это. Тот же самый дождь, который побуждает расти пшеницу, побуждает расти сорняк. И тот же самый Святой Дух может снизойти в собрании людей, и может благословить лицемера точно так же, как Он благословляет других. Иисус сказал: "По плодам узнаете", тогда. Не то, что он восклицает или радуется, но: "именно по плодам их узнаете их".

Я сказал: "Вот тебе на!" "Я понял, Господь". Я сказал: "Тогда это действительно Истина". Этот мужчина... Можешь иметь дары, не зная Бога.

Итак, потом я стал—потом я стал слишком критичным к говорению на языках, видите. Но однажды, потом, как Бог подтвердил это мне!

Я крестил там на реке моих первых обращённых, на реке Огайо, и я

сказал: "Со мной просто...Я не могу этого понять. Казалось, как будто благословенный Святой Дух снисходил и на такого лицемера". Я сказал: "Не может быть! И всё".

На протяжении того долгого периода я изучал и взывал, думал, что если я подольше побуду с ними, может быть, смогу узнать, что к чему. Вот здесь один — подлинный Христианин; а другой — настоящий лицемер. Тогда я подумал: "Как это так? О-о, — я сказал, — Боже, может быть—может быть, со мной что-нибудь не в порядке". И я сказал, будучи фундаменталистом: "Это...должен увидеть это в Библии. Обязательно".

Для меня всё, что действует, должно выходить из этой Библии, иначе это неверно. Это должно выходить Отсюда. Это должно быть доказано в Библии, не только в одном месте, но это должно проходить сквозь всю Библию. Я должен верить этому. Это должно подходить и связываться вместе с каждым Писанием, иначе я этому не верю. И потом, потому что Павел сказал: "Если ангел с Неба придёт и будет проповедовать другое Евангелие, да будет проклят". Поэтому я верю Библии.

И я сказал: "Я никогда не видел ничего такого в Библии".

Два года спустя, после того как я потерял свою жену и всё, я был там на Зелёной Мельнице, в своём там местечке, молился.

Вернулся туда назад в свою пещеру на два или три дня, это было дня два. Я вышел, чтобы немного вздохнуть, подышать воздухом. И когда я вышел, моя Библия лежала там на краю бревна, сразу, как только входишь. Старое дерево свалило ветром, на нём было разветвление. И я...Развилка лежала *вот так* вверх, и дерево лежало вниз. И я просто сижу верхом на этом бревне и лежу там по ночам, вот так, глядя в небеса, моя рука лежит вот так вверх, и иногда прямо вот так, лёжа на бревне, засыпаю, в молитве. Бывал там несколько дней, просто без еды и питья, просто молился там. И я вышел из пещеры, чтобы немного подышать свежим воздухом; в ней было прохладно, сыро.

Итак, потом я вышел, и там лежала моя Библия, куда я положил её днём раньше, и она была открыта на Евреям 6-й главе. И я начал там читать: "Давайте отложим...к...поспешим к совершенству, не полагая снова основание покаяния и мёртвых дел, и веры Богу", — и так далее. "Ибо невозможно — однажды просвещённых, и вкусивших небесного дара и призвания", — и так далее. Но сказано: "Но тернии и волчцы, которые близки к отвержению, конец которых...вода...дождь многократно сходит на землю, чтобы возделать и приготовить её для тех, которые—тех, которые близки к отвержению с терниями и волчцами, конец которых — сожжение".

И Что-то начало: "Хш-ш-ш-ш!"

мы поженились.

Итак, когда мы поженились, у нас ничего не было, ничего для домашнего хозяйства. Я думаю, что у нас было два или три доллара. Итак мы сняли дом, это нам стоило четыре доллара в месяц. Это были две старенькие комнатухи. И кто-то дал нам старую раскладушку. Интересно, кто-нибудь видел старую раскладушку? Это они нам дали. И я пошёл к Сиерсам и Робуксам и взял маленький стол с четырьмя стульями, и он не был покрашен, знаете, и мы взяли это на время. И потом я пошёл к мистеру Виберу, торговцу старьём, и купил кухонную плиту. Я за неё заплатил семьдесят пять центов, и доллар с чем-то за колосники к ней. Мы завели домашнее хозяйство. Я помню, как я нарисовал трилистник на стульях, когда я красил их. Однако мы были счастливы. Мы были вместе, это было всё что нужно. И Бог, с Его милостью и Его благодатью, мы были наисчастливейшей парой на земле.

Я обнаружил, что счастье зависит не от того, сколько у тебя мирских вещей, но насколько ты доволен отпущенной тебе частью.

И, через некоторое время, сошёл Бог и благословил наш дом, у нас появился мальчик. Его называли Билли Пол, он сейчас здесь в собрании. И позже, спустя месяцев одиннадцать, Он опять благословил нас маленькой девочкой, которую называли Шарон Роуз, это взяли от слов "Роза Шаронская".

Помню, как однажды я сэкономил денег и собирался отправиться в небольшой отпуск, направиться на озеро "По-По", порыбачить. И на обратном пути...

И в те времена...Я пропускаю рассказ о моём обращении. Я обратился. И я был назначен Доктором Роем Дэвисом в Миссионерскую Баптистскую церковь, и стал служителем и имел скинию, в Джефферсонвилле, в которой я сейчас проповедую. Я служил пастором в маленькой церкви. И я...

Никаких денег, я был пастором церкви семнадцать лет и никогда не взял ни цента. Я не верил в сбо-... Там не было даже тарелки для пожертвований. И десятины от своей работы, и так далее, был ящичек в конце помещения, надпись на нём гласила: "То, что вы сделали для одного из малых Моих, вы сделали для Меня". Вот как оплачивали за церковь. У нас был десятилетний заем оплаты за неё, а выплатили меньше чем за два года. Я никогда не собирал никакого рода пожертвований.

У меня было несколько долларов, что я сэкономил на отпуск. Она тоже работала на рубашечной фабрике. Дорогая, милая девочка. Сегодня могила её наверное заснежена, но она в сердце моём. И я вспоминаю, как тяжело она работала, помогала мне, чтобы хватило денег и на то, чтобы поехать на это озеро порыбачить.

И когда я возвращался с озера, я начал замечать, проезжая через Мишаваку и Южный Бенд, Индиана, я начал замечать машины, на которых был знак "Только Иисус". И я подумал: "Странно звучит 'Только Иисус'." Я начал обращать внимание на такие знаки. И это было повсюду: на велосипедах, "Фордах", "Кадиллаках" и так далее — "Только Иисус". И я проследовал за ними, и они подъехали к большой церкви. И я выяснил, что они пятидесятники.

Я слышал о пятидесятниках, что они "толпа святых скакунов, что валяются на полу с пеной у рта", и всё такое, что мне рассказывали об этом. Так что я с этим не хотел иметь ничего общего.

Итак я услышал, как они там себя вели, и я подумал: "Пожалуй, я только найду". Я остановил свой старенький "Форд" и вошёл, и такое пение, какого ты никогда в жизни не слышал! И я узнал, что там были две большие церкви, одна из них называлась "П. А. И. Х." и "П. А. В.", многие из вас, может, помнят те старые органи-... Я думаю, что они объединились и теперь называются церковь Объединённых Пятидесятников. Что ж, я прослушал некоторых из их учителей. Они стояли там, они учили о Иисусе, о том, как Он велик и как это всё величественно, и о "крещении Святым Духом". Я подумал: "О чём это они говорят?"

И, немного спустя, кто-то вскочил и начал говорить на языках. Вот, я в своей жизни никогда такого не слышал. И вот какая-то женщина побежала вперёд изо всех сил. Потом все они вскочили и начали бегать. И я подумал: "Ну что ж, брат мой, это точно, у них не соблюдают церковные манеры"! Кричат и восклицают и так ведут себя, и я подумал: "Что это за толпа"! Но, вы знаете, тут ещё одна штука, чем дольше я там сидел, тем больше мне это нравилось. Что-то было такое действительно хорошее. И я начал наблюдать за ними. И это продолжалось. Я подумал: "Я их потерплю ещё немного, потому что я...я недалеко от двери. Если начнётся что-нибудь такое, я выскочу за дверь. Я помню, где стоит моя машина, прямо за углом".

И я услышал, что некоторые из их проповедников были учёными и студентами. Ещё бы, я подумал: "Это замечательно".

И вот пришло время ужина, и сказали: "Все отправляемся на ужин".

Но я подумал: "Минуточку. У меня есть доллар и семьдесят пять центов, чтобы доехать до дома, и я..." Это были все мои деньги на бензин. Держал это, чтобы добраться до дома. А у меня был старенький "Форд", довольно хороший старый "Форд". Не какой-то пропащий, но был точно, как один из этих, но только изношенный. И он...Я вообще-то верил, что "Форд" мог ехать тридцать миль в час, то есть пятнадцать *вот так* и пятнадцать *вот так*. Видите, сложить вместе и получится тридцать. И так он...Я подумал:

Спросил: "Ты когда-нибудь говорил на языках?" Я ответил: "Нет, сэр".

Сказал: "Я сразу тебе скажу, что ты не получил Святого Духа".

И я сказал: "Ну что ж, если я...Если это требуется, чтобы получить Святого Духа, то я не имею Его".

Итак, он сказал: "Так вот, если ты не говорил на языках, ты не имеешь Его".

И вот так поддерживая разговор с ним, я сказал: "Ну что ж, где я могу получить Его?"

Сказал: "Пойди туда в комнату и начни искать Святого Духа".

И я продолжал наблюдать за ним, знаете. Он не знал, что я делаю, но он...я знал, что у него было странное чувство, потому что он...его глаза начали немного тускнеть, когда он смотрел на меня. И он...Но он был настоящим Христианином. Он был абсолютно на сто процентов Христианином. Это так. Ну что ж, я подумал: "Хвала Богу, вот Это! Я—я—я должен как-то добраться до того алтаря".

Я вышел, оглянулся вокруг, я подумал: "Найду другого мужчину". И когда я нашёл его и начал говорить с ним, я сказал: "Здравствуйте, сэр!"

Он сказал: "Послушай, к какой ты принадлежишь церкви?" Он сказал: "Мне говорят, что ты баптист".

Я сказал: "Да".

И он спросил: "Ты ещё не имеешь Святого Духа, да?"

Я сказал: "Ну я не знаю".

Спросил: "Ты говорил на языках?"

Я сказал: "Нет, сэр".

Сказал: "Ты не имеешь Его".

И я сказал: "Ну что ж, я знаю, что у меня нет того, что у всех вас. Я это знаю". И я сказал: "Но, мой брат, я очень хочу Его".

Он сказал: "Ну что ж, там—там есть бассейн, всё готово".

Я сказал: "Я крещён. Но, — я сказал, — я не принял того, что есть у вас". Я сказал: "У вас есть нечто такое, чего я очень сильно хочу".

И он сказал: "Ну что ж, прекрасно".

Я пытался уловить его, видите. И если я...Когда, наконец, я поймал его дух (так вот, это был совсем другой человек), если я когда-нибудь и разговаривал с бесчестным лицемером, то он был одним из них! Он жил...У его жены были тёмные волосы, он жил с блондинкой и имел от неё двоих детей. Пил, ругался, бегал по кабакам и всё такое, и, несмотря на это, пребывает там и говорит на языках, и пророчествует.

Тогда я сказал: "Господь, прости меня". Я пошёл домой. Это так. И я

Взгляните на Моисея. Моисей был человеком, посланным Богом (вы этому верите?), предопределил, предназначил и сделал пророком. И Бог послал его туда, сказал: "Иди, скажи этой скале", — после того, как по ней ударил. Сказал: "Иди, скажи этой скале, и она испустит свои воды".

Но Моисей пошёл, рассердившись и ударил скалу. Вода не пошла, он опять ударил, сказал: "Вы, непокорные! Мы должны извлечь для вас воду из этой скалы?"

Вы видите, что сделал Бог? Вода пошла, но сказал: "Подойди сюда, Моисей". Это был конец, видите. Ты должен наблюдать за этим, чтобы ты... что ты делаешь с Божественными дарами.

Точно как проповедник, хороший, сильный проповедник, и отправляется, и проповедует, чтобы только собрать пожертвования и деньги, он ответит за это пред Богом. Это так. Ты должен смотреть, что ты делаешь с Божественными дарами. Или пытается сделать какой-нибудь большой престиж, или большое имя для какой-нибудь церкви, или большое имя для себя. Я бы лучше провёл два или три вечерних собрания и был бы где-нибудь ещё, и был бы смиренным, и не возвышался. И вы знаете, что я имею в виду. Да, сэр, всегда береги своё место, где Бог может держать руку Свою на тебе.

Помните, теперь это внутренняя Жизнь.

Итак, потом в этот день я подумал: "Ну что ж, я схожу". И я был просто так настороже к этим людям, я подумал: "Я узнаю об этих людях". Я продолжал искать их после окончания собрания, снаружи, в саду. Я оглянулся вокруг. Я нашёл одного из них, я сказал: "Здравствуйте, сэр!"

Он сказал: "Здравствуйте!" Спросил: "Это не вы тот молодой проповедник, который проповедовал этим утром?"

Я сказал: "...Мне тогда было двадцать три года. Я сказал: "Да, сэр".

И он спросил: "Как ваше имя?"

Я ответил: "Бранхам". Испросил: "А ваше?"

И он назвал мне своё имя. И я подумал: "Ну что ж, теперь если бы я только мог установить контакт с его духом". И всё ещё не знал, отчего это происходило. И я сказал: "Ну что ж, сэр, скажем, — я сказал, — у вас здесь есть нечто такое, чего я не имею".

Он спросил: "Принял ли ты Святого Духа, с тех пор как уверовал?"

Я сказал: "Я, вообще-то, баптист".

Он сказал: "Но принял ли ты Святого Духа, с тех пор как уверовал?"

И я сказал: "Хорошо, брат, что ты имеешь в виду?" Я сказал: "Я—я не имею того, что вы все имеете, я это знаю!" Я сказал: "Потому что вы имеете нечто, что кажется таким сильным и таким..."

"Ладно, в этот вечер я думаю отъеду и после..." Я остался на вечернее служение.

И, о-о, он сказал: "Все проповедники из любых вероучений подойдите к платформе". Что ж, там было нас человек двести, я подошёл. И он сказал: "Так вот, у нас нет времени дать вам всем проповедовать". Он сказал: "Просто проходите здесь и скажите, кто вы и откуда".

Ну, подошла моя очередь, и я сказал: "Уилльям Бранхам, баптист. Джефферсонвилль, Индиана". И прошёл.

Я слышал, как все остальные называли себя: "Пятидесятник, пятидесятник, пятидесятник, П. А. В., П. А. И. Х., П. А. В., П..." Я прошёл. Я подумал: "Что ж, кажется, я здесь — гадкий утёнок". Ну, я сел и ждал.

И в тот день у них были там замечательные молодые проповедники, и они сильно проповедовали. И потом они сказали: "Сегодня вечером будет проповедовать..." Мне кажется, они назвали его "пресвитер". Их служителей вместо "почтенный", называли "пресвитер". Они вывели туда этого старого негра, и он был в одном из этих старомодных костюмов проповедников. Я не думаю, что вы когда-нибудь видели это. Со спины длиннополый, как у голубя, знаете, с вельветовым воротничком, и у него вокруг головы был только небольшой белый ободок волос. Бедный старина, вы знаете, он вышел *вот так*. Он встал там и повернулся вокруг. В то время, как все проповедники проповедовали об Иисусе и о великом... как Он был велик, и так далее, тот старик взял свой текст из Книги Иова. "Где был ты, когда Я полагал основания земли, или когда ликовали утренние звёзды, и сыны Божьи восклицали от радости?"

Бедный старина, я подумал: "Почему они не поставили проповедовать кого-нибудь из этих молодых ребят?" Огромное... место было набито битком. И я подумал: "Почему они не сделали так?"

Итак, этот старина, вместо того, чтобы проповедовать о том, что происходило здесь на земле, он начал проповедовать, что происходило всё время в небесах. Что ж, он показал Его у начала начал времени, и перенёс Его обратно во Второе Пришествие в горизонталь по радуге. Ого, такой проповеди я никогда в своей жизни не слышал! И где-то в это время Дух нашёл на него, он подпрыгнул *вот на такую* высоту, щёлкнул каблуками, расправил свои плечи и давай вышагивать по платформе, сказал: "У вас здесь не хватает места, чтобы мне проповедовать". А там у него было больше места, чем здесь у меня.

Я подумал: "Если Это старика заставляет так себя вести, что же будет, если Это найдёт на меня?" Я подумал: "Может быть я нуждаюсь в Этом". Ещё бы, когда он выходил, у меня была жалость к этому старику. Но когда

он ушёл, у меня была жалость к себе. Я смотрел на него, как он уходил оттуда.

Я вышел в тот вечер и подумал: "Завтра утром я не собираюсь никому говорить, откуда я и кто я". И так я ушёл, и в тот вечер я разгладил свои брюки. Я взял... поехал на ночлег в кукурузное поле, заехал купить чёрствых булочек. Вы... я купил их несколько за пятак. Там был водозаборный кран, я достал воды. Я знал, что продержусь ещё немного, так что я достал воды и выпил её, и пошёл съел свои булочки. И вернулся назад и ещё попил воды. Поехал в кукурузное поле, взял два сиденья и заложил между ними свои полосатые штаны.

В ту ночь я молился почти что всю ночь. Я говорил: "Господь, куда это я попал? Я никогда в жизни не видел таких религиозных людей". И я сказал: "Помоги мне понять, что же это такое".

И на следующее утро я был там. Нас пригласили на завтрак. Конечно, я не пошёл есть с ними, потому что у меня нечего было положить в пожертвования. И я просто пошёл назад. И на следующее утро, когда я вошёл, ещё бы (я съел несколько своих булочек), сел и сидел. И у них был микрофон. А я никогда раньше не видел микрофона, и я пугался этой штуки. Так что они... И он вот так свисал, подвешенный на верёвочке. Такой подвесной микрофон. И сказали: "Вчера вечером здесь на платформе был молодой проповедник, баптист".

Я подумал: "Ого-го, сейчас меня проработают".

Сказали: "Он оказался самым молодым проповедником. Его зовут Бранхам. Кто-нибудь знает что-нибудь о нём? Скажите ему, чтобы пришёл, мы хотим, чтобы он сегодня утром выдал послание".

Ой-ой-ой! На мне была футболочка и полосатые брюки, вы знаете. А мы, баптисты, считаем, что когда ты выходишь за кафедру, на тебе должен быть костюм, понимаете. Так что... я—я просто тихонько сидел. И во время... Они проводили это на севере (свою международную конвенцию), потому что, если бы она была на юге, то негры не смогли бы присутствовать. У них там были негры, а я был южанин, я тогда был ещё такой церемонный, знаете, думал, что я немного лучше, чем кто-то другой. И в то утро так получилось, что рядом со мной сидел цветной. И так я сел и взглянул на него. Я подумал: "Ну что ж, он — брат".

И спросили: "Кто-нибудь знает, где Уилльям Бранхам?" Я вот так вжался в стул. И тогда объявили во второй раз, сказали: "Кто-нибудь там снаружи, — (он вот так вытащил микрофон) — знает что-нибудь о Уилльяме Бранхаме? Скажите ему, что мы желаем, чтобы он вышел на платформу и проповедовал сегодня утром. Он баптистский проповедник из Южной

Итак, единственное, чего я не мог понять — это то говорение на языках, это заинтересовало меня. И я... Там был один человек, скажем, сидел *здесь*, и один вот *здесь*, и они были лидерами группы. *Этот* поднимался и говорил на языках, *этот* истолковывал это и рассказывал разное о собрании и так далее. Я подумал: "Вот это да, фь-ю, я должен в этом разобраться!" И так, потом, наоборот, сошло на *этого* и потом опять на *того*; и каждый говорил на языках, истолковывал. Остальная церковь говорила, но истолкование, казалось, не приходило, как у этих двух мужчин. Так вот, я видел, они сидели рядом вместе, я подумал: "О-о, вот это да, они, должно быть, Ангелы!" И так, пока сидел там сзади...

Что бы это ни было (вы знаете), чего я не мог понять, Это сходило на меня. И у меня есть способ, как я могу узнать что-то, если Господь хочет, чтобы я это знал, вы знаете. И я не... Вот, почему я говорю, что никогда раньше я не высказывал этого на людях. Если я действительно хочу что-то узнать, Господь, обычно, рассказывает мне об этих вещах. Вот для чего этот дар, видите. Поэтому ты не можешь просто выкладывать это перед людьми, это становится, как бросать жемчуг перед свиньями. Это священо, свято, и не хочется этого делать. И так, я бы отвечал перед Богом. Когда говоришь с братом и так далее, я бы не пытался узнать о брате что-нибудь злое.

Однажды, сидя за столом с человеком, он обнял меня, сказал: "О, Брат Бранхам, я люблю тебя". А я продолжал чувствовать, как нечто двигалось. Я взглянул на него. Он этого мне не сказал бы; я знал, что он не любит меня, видите, потому что так было. Он был таким лицемером, что только поискать, видите, и прямо там, обнял меня своей рукой.

Я сказал: "Ну что ж, хорошо", — вышел. Я не хочу этого знать. Я бы лучше просто знал его так, как я его знаю, как своего брата, и оставил бы это так, как есть. Пусть Бог делает остальное. Видите? И я не хочу... не знаю, не хочу знать эти вещи.

И много раз с этими вещами, и даже не в церкви. Я буду сидеть в комнате, сидеть в ресторане и Святой Дух скажет мне то, что должно случиться. Прямо здесь есть люди, которые знают, что это правда. Я буду сидеть у себя дома и скажу: "Так вот, будь внимателен, через некоторое время придет машина. Это будет *такой* и *такой* человек. Заведи их, потому что Господь сказал, что они будут здесь". "Когда мы пойдём по улице, там произойдет вот *такое*. Наблюдай там за этим перекрёстком, потому что тебя чуть не собьёт". И просто смотри, не так ли это происходит. Каждый раз просто совершенно! Поэтому не хочется слишком сильно кидаться в это, потому что ты... Это—это... Ты можешь это использовать, это дар Божий, но надо смотреть, что ты с ним делаешь. Ты будешь ответствен пред Богом.

возопил". Потом я возопил.

Итак, после того, как это всё закончилось, о-о, вот так, они просто... все они хотели, чтобы я приехал и провёл у них собрание. И я подумал: "Послушай, может быть, и я святой скакун!" Видите? Итак, я подумал: "Может быть..." Видите, они были такими замечательными людьми.

И я вышел оттуда. Мужчина, одетый в ковбойские ботинки, в большой ковбойской шляпе, я спросил: "Кто вы?"

Он сказал: "Я старейшина *Такой-то* из Техаса".

Я подумал: "Ну да, это похоже..."

Другой приятель подошёл в таких бриджах, в них обычно играют в гольф, и в таком шерстяном свитере. Он сказал: "Я служитель *такой-то* из Флориды. Не приедете ли вы провести..."

Я подумал: "Я прямо как дома, друзья, в этих лёгких штанах в полоску и в футболке. Это просто замечательно".

Итак, вы слышали мою историю жизни об этих вещах, поэтому я здесь остановлюсь и расскажу вам что-то такое, что я никогда раньше не рассказывал. Во-первых, я хочу спросить вас... Я собирался обойти это. Я никогда раньше в своей жизни не рассказывал это перед людьми. Поднимите вашу руку, если вы обещаете, что после того, как я скажу это, вы будете любить меня и постараетесь любить меня точно так же, как и до того. Хорошо. Это ваше обещание, держитесь его.

Сидя тем вечером на собрании, когда они пели свои песни, они хлопали руками. И они пели: "Я..." Эту песенку: "*Я знаю, это Кровь, я знаю, это Кровь*". И они бегали туда и сюда между рядами, и всё такое, и просто восклицали и восхваляли Господа. Я подумал: "Для меня это звучит просто замечательно". Я начал...

И они всё время обращались к Деяниям, Деяниям 2:4, к Деяниям 2:38, к Деяниям 10:49. Я подумал: "Послушай, это по Писанию! Я просто никогда раньше не видел Это так". Но, о-о, моё сердце горело, подумал: "Это чудесно!" Когда я первый раз встретил их, я подумал, что они — собрание святых скакунов, и я подумал: "О-о, вот это да! Теперь они — собрание "ангелов". Видите, я сразу быстро поменял своё мнение.

Итак, на следующее утро, когда Господь дал мне эту великую возможность участвовать в тех собраниях, я подумал: "О-о, вот это да, я пойду с этой группой людей! Они, должно быть, те, которых обычно называли "восклицателями методистами". Просто пошли немного дальше", — я подумал. "Может быть, это именно они и есть". Итак, я подумал: "Ну что ж, я... Мне точно это нравится. О-о, что-то в них есть, что мне нравится, они смиренны и приятны".

Индианы".

Я тихонько сидел там, наклонившись. Во всяком случае, никто меня не знал. Тот цветной посмотрел на меня, спросил: "Ты не знаешь, где он?"

Я задумался. Или мне пришлось бы солгать, или сделать что-нибудь. Итак я сказал: "Послушай".

Он сказал: "Да, сэр?"

Я сказал: "Я хочу тебе кое-что сказать". Я сказал: "Это я".

Он сказал: "Ну так иди туда".

Я сказал: "Нет, я не могу. Видишь ли, — сказал я, — я в этих старых полосатых брюках и в футболочке". Я сказал: "Я не могу туда подняться".

Он сказал: "Этим людям неважно, как ты одет. Давай иди туда".

Я сказал: "Нет-нет". Я сказал: "Только молчи и ничего не говори".

Через минуту они опять вернулись к микрофону, сказали: "Кто-нибудь знает, где Уилльям Бранхам?"

Он сказал: "Он здесь! Он здесь! Он здесь!" О ужас! И вот я поднимаюсь в своей футболке, понимаете. И вот я...

Он сказал: "Подойдите, поднимайтесь, мистер Бранхам, мы хотим, чтобы вы дали послание". Ой-ой, перед всеми этими проповедниками, ух, перед всем народом! И я шёл спотыкаясь, вы знаете. Лицо красное, уши горят. Я споткнулся, в полосатых штанах и футболке, проповедник, баптистский проповедник идёт к микрофону, такого ещё не видели ни одного.

И я встал там, я сказал: "Что ж, я—я—я не знаю насчёт этого". Я что-то там бормотал, нервничал, понимаете. И я взял отсюда где-то из Луки 16, я подумал: "Ну что ж, тогда..." И я взял тему "*И он поднял свои глаза в аду и возопил*". У меня была... Итак, вы знаете, я начал проповедь, и проповедуя я почувствовал себя лучше. И я сказал: "Богатый человек поднял свой взор в аду, и возопил". Эти несколько слов, как у меня в таких проповедях: "Ты веришь Этому", и "Говори скале", вы слышали, как я их проповедовал. И у меня было: "И тогда он возопил". И я сказал: "Там не было детей, конечно, их нет в аду. Тогда он возопил". Я продолжал: "Там не было цветов. Тогда он возопил. Там не было Бога. Тогда он возопил. Там нет Христа. Тогда он возопил". Потом я возопил. Что-то нашло на меня. О! Потом я не знаю, что происходило. Я пришёл в себя, когда я уже находился на улице. Те люди вопияли и кричали, и плакали, и я тоже, это было время благоговения.

Когда я вышел на улицу, ко мне подошёл мужчина в огромной техасской шляпе, большие сапоги, подошёл и сказал: "Я — старейшина *Такой-то*". Проповедник, в ковбойских сапогах и в ковбойской одежде.

Я подумал: "Тогда мои полосатые брюки не так уж плохи".

Сказал: "Я хочу, чтобы ты приехал ко мне в Техас для служения пробуждения".

"Ага, давайте я запишу, мистер". И я всё это записал.

Вот подходит приятель в таких брючках, в которых, вы знаете, играли в гольф, такие свободные штаны. Он сказал: "Я старейшина *Такой-то* из Майами. Ты мне понравился. Я хотел бы..."

Я подумал: "О, может быть одежда и не значит так много". Я посмотрел на это, и я подумал: "Нормально".

Итак я всё это ухватил, и отправился домой. Меня встретила жена, она сказала: "Что это ты сияешь от счастья, Билли?"

Я сказал: "О, я встретил цвет общества. Да, это лучшее, что я когда-либо видел. Эти люди не стыдятся своей религии". И я ей всё об этом рассказал. И я сказал: "Взгляни-ка, дорогая, целый список приглашений. Вот это люди!"

Она сказала: "А это не "святые скакуны", нет?"

Я сказал: "Я не знаю, что там за "святые скакуны", но у них есть нечто, в чём я нуждаюсь". Видите? Я сказал: "Уж в этом-то я уверен". Я сказал: "Я видел, как девятилетний старик опять помолодел". Я сказал: "Таких проповедей я не слышал никогда в жизни. Ещё бы, я никогда не видел, чтобы баптисты так проповедовали". Я сказал: "Они проповедуют пока не перехватывает дыхание, падают на колени, опять вскакивают, обретая своё дыхание. Ты за два квартала слышишь, как они проповедуют". И я сказал: "Такого я никогда в жизни не слышал". Я сказал: "Они говорят на ином языке, а другой рассказывает, о чём говорили. Никогда в жизни такого не слышал!" Я спросил: "Ты поедешь со мной?"

Она сказала: "Милый мой, когда я вышла за тебя, я прилепилась к тебе до тех пор, пока смерть не разлучит нас". Она сказала: "Я поеду". Она сказала: "Теперь мы расскажем родным".

Я сказал: "Ладно, ты скажи своей маме, а я скажу своей маме". Итак мы... Я пошёл и рассказал маме.

Мама сказала: "Что ж, конечно, Билли. Что бы Господь ни позвал тебя делать — иди исполняй это".

И миссис Брумбах попросила меня прийти. Пришёл. Она спросила: "О чём это ты рассказываешь?"

Я сказал: "О, миссис Брумбах, — сказал я, — вы никогда не видели таких людей".

Она сказала: "Потише! Успокойся!"

Я сказал: "Да, мадам". Я сказал: "Простите".

И она сказала: "Ты знаешь, что это "святые скакуны"?"

ищем Уилльяма Бранхама; вчера на платформе был молодой евангелист, баптист". Сказал: "Мы хотим, чтобы он сегодня утром принёс послание". Я видел, что эти люди не остановятся, пока не вытащат меня, баптиста. Итак, я вжался в свой стул. На мне были брюки из лёгкой полосатой ткани и футболка; вы знаете, мы не носили одежду священника, поэтому... И я *вот так* сидел на своём месте. Итак, он спросил два или три раза. И я сидел рядом с цветным братом.

И почему их конвенция проходила на севере, потому что тогда на юге была сегрегация. Поэтому они не могли провести её на юге.

Итак, мне стало интересно, что это такое "Только Иисус". И я подумал: "До тех пор пока это Иисус, всё в порядке. Поэтому нет никакой разницы, является ли это... как это, просто до тех пор пока это Он".

Итак, я немного посидел там и понаблюдал за ними, вот, они позвали ещё два или три раза. И этот цветной брат посмотрел на меня, он сказал: "Ты знаешь его?" Я—я—я... Это было полным разоблачением. Я не мог солгать человеку, я не хотел.

Я сказал: "Послушай, брат. Да, я знаю его".

Он сказал: "Ну так давай его сюда".

Я сказал: "Хорошо, я—я скажу тебе, брат, — я сказал, — это я. Но, видишь ли, — я сказал, — взгляни, я... эти лёгкие штаны в полоску".

"Давай, иди туда".

И я сказал: "Нет, я не могу туда подняться, — я сказал, — в таких штанах, вот так, в этой футболке".

Он сказал: "Этим людям неважно, как ты одет".

И я сказал: "Так вот, послушай, не говори этого. Слышишь?" Я сказал: "Видишь, на мне эти штаны в полоску, я не хочу подниматься туда".

Спросили: "Кто-нибудь знает местонахождение Уилльяма Бранхама?"

Он сказал: "Он здесь! Он здесь!"

О-о, вот это да! Знаете, моё лицо покраснело, как помидор; и без галстука, знаете; и эта футболка, знаете, и вот в таких штанах. И я пошёл, поднимаясь туда, уши у меня горели. Я никогда не стоял рядом с микрофоном.

И так я начал там проповедовать, и я взял тему, я никогда этого не забуду: *"Богатый человек поднял свои глаза в аду, и тогда он возопил"*. Я часто проповедую вот такие три небольшие темы: *"Пойдём, увидим мужа"*, *"Верите ли вы этому?"* или *"Тогда Он возопил"*. И я продолжал говорить: "Там нет цветов, и тогда он возопил. Там нет молитвенных собраний, тогда он возопил. Там нет детей, тогда он возопил. Никаких песен, и тогда он

религиозным". И я подошёл сюда, и здесь на велосипедах было: "Только Иисус". Кадиллаки, Форды, модели "Т", на всём "Только Иисус". Я подумал: "Интересно, что это?"

Итак, я проследил это всё; оказалось, это было религиозным собранием, там было от тысячи пятисот до двух тысяч человек. И я слышал всё, как там кричали и прыгали туда-сюда, и всё это происходило. Я подумал: "Послушай, вот где я увижу, что такое "святыя скакуны".

Итак, у меня был старый Форд, вы знаете, который, как я утверждал, мог развить тридцать миль в час, пятнадцать в сторону и пятнадцать вверх и вниз *вот так*. Итак, я поставил его к краю дороги с одной стороны, я...когда я нашёл место для стоянки и пошёл назад вниз по улице. Вошёл, оглянулся, и все, кто мог стоять, стояли. Мне пришлось смотреть поверх голов. И они кричали, и прыгали, и падали, и вели себя так. Я подумал: "Фь-ю, ух, что это за люди!"

Но чем дольше я там стоял, тем лучше я себя чувствовал. "Это кажется довольно неплохо. Ну что же, с этими людьми всё в порядке. Они не сумасшедшие". Мне удалось поговорить с некоторыми из них, итак, они—они были прекрасными людьми. Итак, я сказал...

Так вот, теперь, это то же самое собрание, откуда я вышел и провёл всю ночь, и на следующий день пришёл туда. И вы слышали, как я рассказывал об этом в своей истории жизни. Я был на платформе со ста пятидесятью или двумя сотнями служителей, может быть и больше, и они хотели, чтобы каждый просто встал и сказал, откуда он был. И я сказал: "Евангелист Уилльям Бранхам из Джефферсонвилля, — сел, — баптист", — итак, сел. Каждый говорил, откуда он был.

Итак, на следующее утро, когда я туда попал...Всю ту ночь я спал в поле, брюки разгладил, зажав между двумя сиденьями Форда, знаете, и я—я...старые лёгкие штаны в полоску, футболка, вы знаете. Итак, следующим утром я пошёл на собрание в своей футболке. Я пошёл...

У меня было не больше трёх долларов, и мне надо было купить бензина, чтобы доехать на нём до дома. И потом я—я купил себе несколько булочек, таких чёрствых, вы знаете, вообще, всё в порядке. И я пошёл к водозаборному крану, налил себе стакан воды, вы знаете, и они оказались довольно неплохими. Итак, я их пожевал, это был мой завтрак.

Так вот, я мог бы есть с ними, вот, они ели два раза в день. Но я ничего не мог положить в пожертвования, поэтому я не—не хотел быть их нахлебником.

Итак, потом я—потом я вошёл туда тем утром и сказал...Я просто должен рассказать эту часть. Итак, попал туда тем утром, и он сказал: "Мы

Я сказал: "Нет, мадам, я этого не знаю". Я сказал: "Что вы, они—они просто замечательные люди".

Она сказала: "Что за затея! Ты думаешь, что ты потащишь туда мою дочь!" Сказала: "Какая нелепость! Это ничто иное, как отбросы, которых выбросили из других церквей". Она сказала: "Как бы не так! Ты никуда не увезёшь мою дочь".

И я сказал: "Но, вы знаете, миссис Брумбах, в глубине своего сердца я чувствую, что Господь хочет, чтобы я шёл с теми людьми".

Она сказала: "Иди назад в свою церковь и будь там, пока они не смогут предоставить тебе пасторский домик, и поступай, как здравомыслящий человек". Сказала: "Ты не потащишь туда мою дочь".

Я сказал: "Да, мадам". Я повернулся и вышел.

Хоуп заплакала. Мы вышли и она сказала: "Билли, несмотря на то, что говорит мама, я буду с тобой". Благословенно её сердце!

И я сказал: "Хорошо, хорошо, дорогая".

И всё как шло, так и пошло. Она не разрешила своей дочери пойти с такими людьми, потому что "это ничто иное как чепуха". Я просто подумал: ну пусть идёт, как идёт. Это была в моей жизни самая, одна из самых больших ошибок.

Немного позже, спустя несколько лет, появились дети. И однажды мы были...В 1937 году произошло наводнение. Пришёл потоп. И наша...В то время я находился в дозоре и делал всё, что мог, вызволяя людей из того потопа, дома сносило. Моя жена заболела, она очень сильно заболела воспалением лёгких. И они взяли её...Мы не могли поместить её в обычный госпиталь, он был набит битком, тогда мы отвезли её в правительственный, там у них было место. И тогда они опять меня вызвали. А я всегда жил на реке, был хорошим лодчиком, так что я пытался находить людей и спасать их из потопа. И тогда я...один...

Они позвали меня, сказали: "Там на Каштановой улице один дом, он вот-вот развалится. Там мать со своими детьми, — сказали, — если ты думаешь, что твоя лодка, твой мотор дотянет до них". Я сказал: "Ладно, я сделаю всё, что смогу".

И я мчался через те волны. Там прорвало плотину, и о-о...город просто смывало. Я жал изо всех сил, и, наконец, пересёк узкие улочки в той местности. И я оказался близко к тому месту, где была старая дамба, вода прорывалась через неё. И я услышал, как кто-то кричит, я увидел стоящую на веранде мать. Проносились огромные волны. Вот, я *вот так* обошёл вокруг, как только смог, пересёк поток и вернулся с другой стороны. И тут же остановил лодку, успев привязать её за столб, за дверной столб, то есть

который на веранде. Я вбежал, схватил мать, вытащил её и двух или трёх детей. Развязал лодку и доставил её...обратно. Вышел оттуда ниже по течению, и доставил её на берег, пройдя через город мили полторы, пока доставил её на берег. И когда я оказался там, она упала в обморок. Она начала...она кричала: "Мой малыш! Мой малыш!"

Так вот, я подумал, что там у неё в доме остался младенец. Ой-ой-ой! Они стали приводить её в чувство, а я направился назад. И выяснилось, что это был...или она хотела знать, где был её ребёнок. Тому мальчику было около трёх лет, а я подумал, что она говорила о каком-то младенце.

И так я направился обратно и добрался туда. Закрепил лодку, ворвался внутрь, но не находил никакого младенца, а крыльцо сдвинулось и дом рушился. Я быстро побежал и ухватился за обломок, что там потащил мою лодку, залез в лодку, вытащил это и освободил.

И тогда меня снесло в течение основной реки. Было около половины двенадцатого ночи, и дождь, и снег. И я схватил за шнур стартёра и пытался завести лодку, но не заводилось, я пытался опять и опять, но не заводилось. Уносило ещё дальше в это течение, и уже близко был водопад. И я пытался изо всех сил, и я подумал: "Ого, вот—вот мне и конец! Вот он!" И я пытался как мог. И я сказал: "Господь, пожалуйста, не дай мне умереть такой смертью", и я дёргал и дёргал.

И мне в голову пришло: "Как насчёт тех отбросов, к которым ты не поехал?" Видите? Ага.

Я облокотился на лодку и сказал: "Боже, смилуйся надо мной. Не дай мне оставить жену свою с младенцем, ведь они там больные! Пожалуйста!" Я продолжал дёргать и дёргать, но не заводилось. Я уже мог слышать, как там внизу шумит, потому что я...Ещё несколько минут и о, это будет всё. И я сказал: "Господь, если Ты простишь меня, я обещаю Тебе, что я всё исполню". Стоял на коленях в той лодке и мокрый снег бил мне в лицо, я сказал: "Я сделаю всё, что Ты захочешь от меня". И я опять потянул за шнур, и мотор завёлся. Я дал полный газ и наконец достиг берега.

И я вернулся, чтобы искать грузовик, патрульный грузовик. И я думал...Кто-то сказал: "Слушай, правительственный просто смыло". А там моя жена с ребёнком, с двумя детьми".

Что было сил я направился к правительственному, а воды там было метров пять глубиной. И там был майор, и я спросил: "Майор, что случилось с госпиталем?"

Сказал: "Не волнуйся. У тебя был там кто-нибудь?" Я сказал: "Да, большая жена и двое маленьких детей".

Он сказал: "Они все спаслись". Сказал: "Они в грузовом вагоне

подумал: "Бормотание, прыганье вверх и вниз, на какую религию это похоже?" И так я продолжал.

Затем, позднее я встретил пожилого человека, который, может быть, теперь здесь в церкви, или он заезжал в эту церковь, его зовут Джон Райэн. И я встретил его около места...Старина с длинной бородой и волосами, и он, может быть, здесь. Я думал, он отсюда, из Бентон Харбор, у Дома Давида.

И у них было место в Луисвилле. Я пытался найти тех людей, и они назвали это Школой Пророков. Итак, я подумал, что заеду и посмотрю, что это такое. И вот, я не видел, чтобы кто-нибудь катался по полу, но у них были какие-то странные учения. Вот там я встретил этого пожилого человека, он пригласил меня прийти к нему.

Я поехал в отпуск. И я был там один день, и я вернулся назад к нему домой, а он исчез, и он пропал где-то там в Индианаполисе. Его жена сказала: "Господь позвал его".

Я сказал: "Вы хотите сказать, что вы вот так позволяете удирать этому человеку?"

Она сказала: "О-о, он Божий слуга!" Я слышал, бедная старушка умерла несколько недель назад. И она была очень предана ему. Да, вот какую надо иметь жену! Это так. Прав или не прав, он всё равно прав! Я сказал...Так вот, я знал, что они...

Теперь он...Брат Райэн, вы здесь? Его здесь нет. Он был на днях, не так ли, ребята?

Так вот, они живут только тем, что могут достать, и у него дома нечего было есть. Это так. И я поймал несколько рыбок там в пруду или в озере, в Мичигане, и я вернулся назад—и я вернулся назад на то место. И у них дома даже не было жира или сала, чтобы приготовить на нём рыбу. И я сказал: "Он без ничего оставил тебя дома?"

Сказала: "О-о, но он Божий слуга, Брат Билл!" Сказала: "Он..."

И я подумал: "Да, да будет благословенно твоё сердечко. Брат, я встану прямо рядом с тобой". Это так. "Ты так высоко думаешь о своём муже — я готов присоединиться и встать рядом с тобой за это". Это так. Нам сегодня нужно побольше таких женщин, и побольше мужей, думающих так о своих жёнах. Это так. Америка была бы лучше, если бы мужья и жёны вот так соединились. Прав или не прав — оставайся с ними. Не было бы так много разводов.

Итак, мы—мы поехали в...Потом я пошёл дальше. И по дороге домой, что было странно, я проезжал через Мишавоку. И я теперь увидел машины—машины, стоящие на улице, под названием...большие знаки на них гласили: "Только Иисус". Я подумал: "Что это..."Только Иисус", это должно быть

сказал, — когда закончились апостолы, с ними всё это и закончилось". И сказал: "Теперь единственное, что у нас есть, это...любого рода созерцание таких вещей, — сказал, — это спиритуалисты, демоны".

Я сказал: "О Брат МакКинни, вы это хотите сказать?"

Он сказал: "Да, сэр".

Я сказал: "О Боже, смилуйся надо мной!"

Я сказал: "Я—я...О-о, Брат МакКинни, может вы помолитесь вместе со мной, чтобы Бог не позволил, чтобы это опять со мной случилось? Вы знаете, что я люблю Его, и я—я не хочу ошибаться в таких вещах". Я сказал: "Помолитесь со мной".

Он сказал: "Я помолюсь, Брат Билли". И так, у нас была молитва прямо там, в—в доме пастора.

Я спрашивал некоторых служителей. Тот же самый ответ. Потом я боялся спрашивать их, потому что они бы подумали, что я бес. И так, я—я не желал чего-то такого. Я знал, что в сердце моём нечто произошло. Так вот, это всё, там—там в моём сердце нечто произошло. И я не хотел быть таким, никогда.

И так, по прошествии нескольких лет, я однажды услышал в Первой Баптистской церкви, я был её членом, я услышал, как кто-то сказал: "Говорю тебе, надо было вчера сходить туда и послушать этих святых скакунов".

И я подумал: "Святые скакуны?" И мой друг, Уолт Джонсон, певец басом, и я сказал: "Что это было, Брат Уолт?"

Он сказал: "Группа этих пятидесятников".

Я сказал: "Что?"

Он сказал: "Пятидесятники!" Сказал: "Билли, если бы ты только это видел, — сказал, — они вот так катались по полу и прыгали туда-сюда". И сказал: "Они сказали, что им надо было пробормотать на каком-то незнакомом языке, или—или они не спасутся".

И я сказал: "Где это находится?"

"О-о, — сказал он, — маленькое палаточное собрание на другой стороне Луисвилля". Сказал: "Цветные, конечно".

И я сказал: "Ага".

И он сказал: "Там много и белых людей".

Я спросил: "Они тоже это делали?"

Сказал: "Да, да! Они тоже это делали".

И я сказал: "Странно, и люди путаются в таких вещах". Я сказал: "Ну что же, мне кажется, нам просто нужны такие вещи". В воскресенье утром, я никогда этого не забуду. Он ел кусок сухой корки от апельсина от своего несварения желудка, и вижу это так же ясно, как будто это было вчера. И я

направились в сторону Чарльзтауна".

Я побежал, сел в свою лодку и...то есть сел в свою машину, сзади прикрепил лодку и помчался туда...Те притоки разошлись на две с половиной или три мили шириной. И всю ночь я пытался...Некоторые говорили: "Этот вагон, товарный вагон, все грузовики смыло оттуда с эстакады".

Я обнаружил, что меня отрезало на небольшом острове, и находился там три дня. У меня было много времени, чтобы подумать, "чепуха" Это или нет. Просто бился: "Где же моя жена?"

Наконец, когда я через несколько дней нашёл её, после того как выбрался и переехал, она была в Колумбусе, штат Индиана, в баптистской аудитории, где они разместили госпиталь, комнаты для больных на раскладушках. Я побежал к ней изо всех сил, разыскивая её, я кричал: "Хоуп! Хоуп! Хоуп!" И я посмотрел, и вот она лежала там на раскладушке с туберкулёзом.

Она подняла свою костлявую руку и сказала: "Билли".

Я подбежал к ней, я сказал: "Хоуп, дорогая".

Она сказала: "Я ужасно выгляжу, да?"

Я сказал: "Нет, дорогая, ты выглядишь хорошо".

Около шести месяцев мы, как только могли, пытались спасти её жизнь, но ей становилось хуже и хуже.

Однажды я патрулировал, и у меня было включено радио, я услышал, как сказали, это был вызов по радио, сказали: "Для Уильяма Бранхама, отправляйтесь в госпиталь, ваша жена умирает". Я помчался обратно в госпиталь, включил красную мигалку и сирену, и помчался. Я приехал в госпиталь, остановился, вбежал. Я шёл через госпиталь и увидел своего старого друга Сэма Эдера, с которым вместе рыбачили, ещё мальчишками бегали вместе.

Доктор Сэм Эдер — это тот, о котором не так давно было то видение, было сказано ему о клинике. И он сказал, что если кто-то сомневается в том видении, то спросите его, если хотите узнать, так это было или не так.

И вот он выходит там, и у него в руке была шляпа. Он посмотрел на меня и заплакал. Я подбежал к нему, обхватил его руками. Он обнял меня, сказал: "Билли, она уходит". Он сказал: "Я сожалею. Я сделал всё, что мог сделать, я нашёл специалистов и всё остальное".

Я сказал: "Нет Сэм, она не уйдёт!"

Он сказал: "Она уходит".

Он сказал: "Не входи туда, Билл".

Я сказал: "Сэм, я должен войти".

Он сказал: "Не делай этого. Пожалуйста, не делай".

Я сказал: "Дай мне войти".

Сказал: "Я пойду с тобой".

Я сказал: "Нет, ты оставайся здесь. Я хочу быть с ней в последние минуты".

Сказал: "Она без сознания".

Я вошёл в палату. Там сидела медсестра, и она плакала, потому что они с Хоуп были школьными подругами. Я посмотрел, она начала плакать, закрыла лицо рукой. Она встала и отошла.

Я посмотрел, я дотронулся до неё. И вот она, она, наверное, наполовину потеряла в весе. Я—я встряхнул её. Если я буду жить до ста лет, я и тогда не забуду, что произошло. Она повернулась, и на меня взглянули те большие прекрасные глаза. Она улыбнулась. Она сказала: "Почему ты позвал меня назад, Билли?"

Я сказал: "Дорогая, я сделал...меня только что известили".

Я должен был работать. Мы были в долгах и сотни долларов задолжали докторам по счёту, и нечем было платить. И мне просто приходилось трудиться. И я виделся с ней два-три раза в день, и каждую ночь, когда она была в таком состоянии.

Я сказал: "Что ты хочешь этим сказать — 'позвал' тебя 'назад'?"

Она сказала: "Билл, ты проповедовал об Этом, ты говорил об Этом, но ты не имеешь понятия, что Это".

Я спросил: "О чём ты говоришь?"

Она сказала: "О Небесах". Она сказала: "Послушай, — сказала она, — меня сопровождали домой какие-то люди, мужчины или женщины, или ещё кто-то, они были в белом". Она сказала: "У меня был мир и покой". Сказала: "Большие красивые птицы перелетали с дерева на дерево". Она сказала: "Не подумай, что я вне себя". Она сказала: "Билли, я хочу сказать тебе нашу ошибку". Она сказала: "Присядь". Я не сел; я встал на колени, взял её руку. Она сказала: "Ты знаешь, когда мы сделали ошибку?"

Я сказал: "Да, дорогая, я знаю".

Она сказала: "Мы не должны были слушать маму. Те люди были правы".

Я сказал: "Я знаю это".

Она сказала: "Пообещай мне, что ты пойдёшь к тем людям, — сказала, — потому что они правы". И она сказала: "Так воспитывай наших детей". И я...Она сказала: "Я хочу тебе что-то сказать". Она сказала: "Я умираю, но, — сказала, — это...я не боюсь уходить". Сказала: "Это—это прекрасно". Она сказала: "Единственное, мне больно оставлять тебя, Билл. И я знаю, что ты

И там не далее десяти футов от меня стоял Человек: одет в белое одеяние, небольшой; Его руки были вот *так* сложены; борода, такая короткая; волосы до плеч; и Он смотрел в сторону от меня, *вот так*; такой мирный облик. Но я не мог понять, как Его ноги стоят одна прямо за другой. И ветер дул, Его одеяние колыхалось, шалфей колыхался.

Я подумал: "Подожди минутку". Я ущипнул себя. Я сказал: "Так вот, я не сплю". И я наклонился, оторвал небольшой кусочек этого шалфея, вы знаете, взял его, как зубочистку. Я положил его себе в рот. Я посмотрел назад в направлении дома. Я сказал: "Нет, я был там и молился за отца, и Нечто сказало выйти сюда, и вот здесь стоит этот Человек".

Я подумал: "Он похож на Господа Иисуса". Я подумал: "Интересно, так ли это?" Он смотрел точно, прямо в направлении, где теперь стоит наш дом. Итак, я подвинулся в эту сторону, чтобы я мог увидеть Его. И я мог вот так видеть Его лицо сбоку. Но Он...Я должен был *вот так* обойти вокруг, чтобы увидеть Его. И я кашлянул. Он не двинулся. И я подумал: "Я позову Его". И я сказал: "Иисус". И когда Он повернулся, Он вот *так* оглянулся вокруг. Это было всё, что я запомнил, Он просто протянул Свои руки.

Нет такого художника во всём мире, который мог бы нарисовать Его картину, черты Его лица. Лучшее, что я когда-либо видел — это "*Лицо Христа в тридцать три года*" Гофмана, у меня это на всей литературе и на всём, что я использую. Потому что очень похож, и так тогда...или довольно близко, очень большое сходство.

Он выглядел как (Человек), если бы Он проговорил, наступил бы конец света, и всё равно с такой любовью и добротой, что ты—ты...Я просто упал навзничь. И при свете зари, я оказался при рассвете дня, рубашка пижамы была насквозь мокрой от слез, когда я пришёл в себя, пошёл назад домой через поле шалфея и ракичника.

Я рассказал об этом своему другу служителю. Он сказал: "Билли, Это тебя сведёт с ума". И сказал: "Это дьявол". Он сказал: "Никогда не шути с такими вещами". В то время я был баптистским служителем.

Так вот, я пошёл к другому моему старому другу. Я сел и рассказал ему об Этом. Я сказал: "Брат, что ты думаешь об Этом?"

Он сказал: "Хорошо, Билли, я скажу тебе". Он сказал: "Я думаю, что если ты хочешь попытаться сохранить свою жизнь, просто проповедай, что есть здесь в Библии, благодать Божью и так далее, я бы не впадал в какие-то фантастические вещи, что-то вроде этого".

Я сказал: "Сэр, я не хочу впадать в какие-нибудь фантастические вещи". Я сказал: "Единственное, что я пытаюсь узнать — что это такое".

Он сказал: "Билли, много лет назад у них было всё это в церквях. Но, —

тогда я...для меня, это моё...наше поколение, после трёх это исчезло. Но это единственный разрыв от чистого ирландца, имена были Харви и Бранхам. И потом, перед этим было Лайон, которое всё ещё ирландское. И потом, все они были католиками. Но я—у нас, как у детей, вообще не было никакого религиозного воспитания или обучения.

Но эти дары, эти видения, я видел видения ещё тогда точно так же, как я вижу сейчас, это так, потому что дары и призвание непреложны. Это предузнание Божье, Бог нечто делает. На протяжении всей жизни я боялся и слово вымолвить об этом.

Вы читали мою историю в маленькой книжечке под названием *Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки тот же*. Мне кажется, это в какой-то из книг, в этих других. Это так, Джин? Это в этой обычной—обычной книге, в этой книге, которая у нас теперь? Это *История жизни*? Мне кажется, да. Потом, когда у нас было...Разве это не ужасно? Мои собственные книги, а я их даже сам не читал. Но их пишет кто-то другой, итак, потом они просто приносят некоторые на собрание. Я этим не занимаюсь, я всегда ожидаю, чтобы что-то ещё произошло. Так что, они хорошие, я читал из них частями, кое-что, когда есть возможность.

И теперь, во всяком случае, как—как маленький мальчик, вы знаете то видение, как мне было сказано, мне было примерно семь лет, было сказано: "Не пей и не кури, и не оскверняй своё тело никаким способом, когда ты вырастешь, для тебя будет труд, который ты должен будешь выполнить". И вы слышали, как об этом рассказано в книге. Ну что ж, это так. Это всё время продолжалось.

Когда я стал служителем, так вот, тогда это—тогда это действительно начало происходить, всё время.

И однажды ночью я видел нашего Господа Иисуса. Я говорю это, я верю, с разрешения Святого Духа. Тот Ангел Господень, который приходит — это не Господь Иисус. Он не похож на Него в этом видении. Потому что в видении, которое я видел о Господе Иисусе, Он был небольшим Человеком. Он не был...Я был там в поле, молясь за своего отца. И я опять пришёл, и я лёг в постель, и в тот вечер я посмотрел на него, и я—я сказал: "О, Боже, спаси его!"

Моя мать уже была спасена, и я крестил её. Тогда я подумал: "О-о! Мой отец так пьёт". И я подумал: "Если бы он только мог принять Господа Иисуса!" Я вышел, лёг на небольшой старый соломенный тюфяк в передней комнате рядом с дверью.

И Нечто сказало мне: "Встань". И я встал, пошёл и вышел назад на поле позади меня, на старое поле шалфея и ракичника.

должен растить этих двух маленьких детей". Она сказала: "Обещай мне, что—что ты не останешься одиноким и не позволишь моим детям слоняться из угла в угол". Для матери двадцати одного года это казалось здравым.

Я сказал: "Я не могу обещать это, Хоуп".

Она сказала: "Пожалуйста обещай мне". Сказала: "Я хочу сказать тебе одну вещь". Сказала: "Ты помнишь то ружьё?" Я просто помешан на ружьях. И она сказала: "Ты тогда хотел купить то ружьё, но тебе не хватило денег, чтобы внести начальную плату".

Я сказал: "Да".

Она сказала: "Я сэкономила денег, мои пяточки, чтобы собрать начальный взнос на то ружьё для тебя". Она сказала: "Так вот, когда всё закончится и ты вернёшься домой, посмотри на двойную...то есть складную кровать, и там под листочком бумаги наверху, ты найдёшь там деньги". Она сказала: "Пообещай мне, что ты купишь то ружьё".

Вы не представляете, что я чувствовал, когда увидел лежащие там доллар и семьдесят пять центов пятаками. Я купил ружьё.

И она сказала: "Ты помнишь, как тогда ты пошёл в город купить мне—мне пару чулок, и мы собирались в Форт Вейн?"

Я сказал: "Да".

Я приехал с рыбалки и она сказала...Нам надо было ехать в Форт Вейн, я должен был проповедовать в тот вечер. И она сказала: "Ты знаешь, я тебе говорила, что 'есть два разных вида'." Один называют "шифон". А как там другой, "капрон," правильно? Шифон и капрон. Вот, какой там, шифон был лучше. Правильно? И она сказала: "Вот, ты купи мне шифон, в стиле". Вы знаете, у этих чулок там сзади и доверху идут такие штуки? Я понятия не имел о женской одежде, так что я...

И я шёл по улице и повторял: "Шифон, шифон, шифон, шифон", стараясь думать об этом "шифон, шифон, шифон".

Кто-то крикнул: "Привет Билли!"

Я сказал: "О привет, привет". "Шифон, шифон, шифон, шифон, шифон".

Я дошёл до угла и встретил мистера Спона. Он сказал: "Привет, Билли, ты знаешь, что сейчас на той стороне дамбы клюёт окунь?"

Я сказал: "Ты уверен, точно?"

"Да-а".

Как только отошёл от него, я подумал: "Как называлась эта штука?" Я забыл.

А моя знакомая Тельма Форд работала в дешёвом магазине. И я знал, что она продаёт там женские чулки, итак я пошёл туда. Я сказал: "Привет,

Тельма".

Она сказала: "Привет, Билли. Как дела? Как там Хоуп?"

Я сказал: "Отлично". Я сказал: "Тельма, мне нужно пару носков для Хоуп". Она сказала: "Хоуп не хочет носков".

Я сказал: "Хочет, мадам, она хочет".

Сказала: "Ты имеешь в виду чулки".

"О, точно, — сказал я, — именно это". Я подумал: "Ага, блеснул своим невежеством".

Она сказала: "А какие она хочет чулки?"

Я подумал: "Ох!" Я сказал: "А какие у вас есть?"

Она сказала: "Ну, у нас есть капрон".

Я не видел никакой разницы. Капрон, шифон, звучало одинаково. Я сказал: "Вот это мне и нужно". Она сказала... Я сказал: "Заверни мне парочку, по стилю". И она... Я неправильно сказал. Как это? По моде. "По моде". Итак я сказал: "Заверни парочку".

И когда она протянула их мне, оказалось, что они стоили только каких-нибудь тридцать центов, двадцать или тридцать центов, где-то в полцены. Что ж, я сказал: "Дай мне две пары". А?

И я вернулся домой, я сказал: "Ты знаешь, дорогая, вот вы, женщины, ходите по магазинам по всему городу, пока сторгуетесь". Вы знаете, как любят кукарекать. Я сказал: "Но вот, взгляни-ка, я купил две пары за такую же цену, за какую ты покупаешь одну. Видишь?" Я сказал: "Вот так, благодаря моим способностям". Видите, я сказал—я сказал: "Ты знаешь, это мне продала Тельма". Я сказал: "Ей пришлось уступить их мне за пол цены".

А она спросила: "Ты купил шифон?"

Я сказал: "Да, мадам". Для меня всё это звучало одинаково, я не видел разницы.

И она рассказала мне, она сказала: "Билли". Мне показалось странным, что когда мы приехали в Форт Вейн, она купила ещё пару чулок. Она сказала: "Я отдам их твоей матери, — сказала она, — это для женщин старшего возраста". И она сказала: "Я сожалею, что я тогда так поступила".

Я сказал: "Ну что ты, всё хорошо, дорогая".

И она сказала: "Так вот, ты не—не оставайся один". И она сказала... Она не знала, что случится через несколько часов. И я держал в своих руках её дорогие руки, в то время, как ангелы Божьи уводили её.

Я пошёл домой. Я не знал, что мне делать. Я лежал там ночью и услышал... Я думаю, что это была мышка, там в старом камине, где у нас лежала какая-то бумага. Я захлопнул дверь ногой, а там за ней висел её

И я сказал: "Хорошо".

Итак, она собиралась показать их мне, в сундуке наверху, где были сложены её пожитки, как это делают старушки. И я подумал: "Как же эта дряхленькая старушка собирается забраться по этой лестнице?" Итак, я подошёл туда и я сказал: "Бабушка, — я сказал, — ты, подожди, дорогая, я заберусь туда и помогу тебе".

Она сказала: "Встань в сторонку". И она взбежала по той лестнице, как белочка. Она сказала: "Ну что, давай!"

И я сказал: "Хорошо, бабушка".

Я подумал: "О-о, если бы я только мог быть таким, было бы во мне ещё столько силы в сто десять лет!"

Так вот, потом помню, как я был у этого небольшого старого родника, и у меня был камень и вот *так* кидал его в грязь, пытаюсь показать своему маленькому брату, какой я сильный. И там на дереве сидела птица, и она просто чирикала, металась туда-сюда, какая-то малиновка или что-то наподобие. И я подумал, что она говорила со мной, эта маленькая малиновка. И я повернулся и послушал, и птица улетела, и Голос сказал: "Большую часть своей жизни ты проведёшь рядом с городом, под названием Нью-Олбани".

Это в трёх милях от того места, где я вырос. Поехали, где-то год спустя, на то место, понятия не имея зачем ехать... Нью-Олбани. На протяжении всей жизни, как эти вещи...

Теперь взгляните: мои родные не были религиозными. Мои отец и мать не ходили в церковь. До этого они были католиками.

Мой меньший племянник, мне кажется, сидит где-то здесь сегодня вечером, я не знаю. Он солдат. Я молюсь за него. Он сам католик, пока ещё католик. И прошлым вечером, когда он был здесь и видел те дела Божьи, он стоял прямо там на платформе. Он стоял там и сказал, он сказал: "Дядя Билл?" Он долго был за океаном, сказал: "Когда я увидел это..." Сказал: "Это—это не происходит в католической церкви". Он сказал: "Это... Мне—мне кажется, дядя Билл, вы правы", — он сказал.

Итак, я сказал: "Дорогой, это не я прав, это Он прав. Видишь, именно Он прав". И так он сказал, что он... Я сказал: "Так вот, я не прошу тебя ничего делать, Мельвин, но просто служи Господу Иисусу всем своим сердцем. Ходи, куда только хочешь. Но будь уверен, что Иисус Христос был вновь рождён в сердце твоём, видишь, в сердце твоём. Потом после этого ходи в любую церковь, в какую только захочешь".

Так вот, но родные до меня были католиками. Мой отец — ирландец, и моя мать была ирландкой. Единственный разрыв в ирландской крови — моя бабушка была из индейцев племени чероки. Моя мать как-бы метиска. Итак,

мальчиком. И у меня в руке был камень.

Теперь, я прошу прощения, я помню, как я носил длинную одежду. Я не знаю, есть ли среди вас (из всех вас) такие пожилые, которые помнят, как мальчики носили длинную одежду. Кто из вас здесь помнит, как дети носили, да, длинную одежду? Так вот, я помню, там, в своей маленькой старой избушке, где я жил, я ползал по полу. И кто-то, я не знаю кто, вошёл. А мама к моей одежде пришила синюю полосочку. И я просто еле-еле ходил. Но тогда я ползал; я тыкал своим пальцем в снег на его ногах и ел снег с его ног, а он стоял рядом с огнём, согреваясь. Я помню, как мама меня за это оттрепала.

И потом следующее, что я помню, должно быть, два года спустя, что у меня был камень. И мне тогда было примерно три года, и моему младшему брату тогда было неполных два года. Итак, мы были на задворках, где был просто старый двор для щепок, куда обычно привозили лес и рубили дрова. Кто помнит те дни, когда лес затагивали на задний двор и рубили его? И зачем мне сегодня надо было одевать галстук? Я—я как у себя дома.

Потом, когда они... Там, на старом дворе для щепок был небольшой ручей, что бежал там, вытекая из родника. Там весной сверху был старый черпак из тыквы, мы черпали воду и выливали её в старое ведро, старое кедровое ведро, и несли его вниз.

Я помню, как последний раз видел свою старенькую бабушку, прежде чем она умерла, ей было сто десять лет. И когда она умирала, я взял её на свои руки и держал её вот *так*, как раз перед её смертью. Она обняла меня и сказала: "Пусть Бог благословит душу твою, дорогой, теперь и вовеки", — когда она умирала.

И мне кажется, эта женщина никогда в своей жизни не имела своих туфель. Помню, как я наблюдал за ней, и даже, когда я был молодым человеком, шёл туда и проводывал их, каждое утро она вставала, босая, и шла по снегу к этому роднику, набирала ведро воды и возвращалась назад, её ноги были прямо в нём. Так что, это вам не повредит, она дожила до ста десяти лет. Вот так, (да, сэр) она была очень-очень закалённой.

Итак, потом я помню, как она захотела рассказать мне о стеклянных шариках моего отца, с которыми он играл, когда он был мальчиком. "И эта дряхленькая старушка, — подумал я, — как она собирается забраться на этот чердак?" Маленькая двухкомнатная лачуга, и там сверху был чердак. И у них были вырублены два молодых деревца и сделана лестница, чтобы подниматься вверх. Так вот, сказала...

Так вот, теперь, она сказала: "Что ж, после обеда я расскажу тебе, покажу тебе стеклянные шарики твоего отца".

халат, (а она лежала там в морге). И через некоторое время меня кто-то позвал: "Билли!" Это был Брат Франк Брой. Он сказал: "Твой ребёнок умирает".

Я сказал: "Мой ребёнок?"

Сказал: "Да, Шарон Роуз". Сказал: "Сейчас там Док, он сказал: 'у неё туберкулёзный менингит, она заразилась от своей матери через питание'." Сказал: "Она умирает".

Я сел в машину и поехал туда. И вот она, моя миленькая. Они доставили её в госпиталь.

Я пошёл увидеть его. Сэм подошёл и сказал: "Билли, не ходи в ту палату, ты должен подумать о Билли Поле". Сказал: "Она умирает". Я сказал: "Док, я должен увидеть моё дитя".

Он сказал: "Нет, ты не можешь идти". Сказал: "У неё менингит. Билли, и ты перенесёшь его Билли Полю".

И я подождал, пока он выйдет. Я не мог перенести её смерти, а её мать лежала там в похоронном учреждении. Я говорю вам: тяжёлый путь преступника. Я пошёл, проскользнул в дверь, и когда Сэм вышел и медсестра вышла, я спустился в подвал. Это такой небольшой госпиталь. Она была в изоляторе, и на её глазах сидели мухи. У них была...мы называем это "накомарник", то есть сеточка на глазах. И у неё...были спазмы, её пухленькая ножка вот так подёргивалась, и ручки её тоже, от этих спазм. Я смотрел на неё, она была уже достаточно большая и умная, около восьми месяцев.

Её мама обычно сажала её в маленькой косыночке, там во дворе, когда я возвращался. И я дудел в рожок, и она начинала: "Гу-гу, гу-гу", тянулась ко мне, вы знаете. И вот, там лежала моя дорогулечка и умирала. Я наклонился над ней, я сказал: "Шерри, ты узнаёшь папу, Шерри?" И когда она взглянула...Она так тяжело страдала, что её прекрасные голубые глазки перекошились. Моё сердце разрывалось.

Я встал на колени: "Господь, что же я сделал? Разве я не проповедовал Евангелие на углах улиц? Я делал всё, что только знал. Не будь против меня. Я никогда не называл тех людей 'отбросами'. Это она назвала их 'отбросами'." Я сказал: "Я сожалею обо всём случившемся. Прости меня. Не забирай моё дитя". И когда я молился, казалось, будто чёрная...сошла как пелена или как покрывало. Я понял, что Он отказал мне.

Вот, это было самое тяжёлое и самое коварное время моей жизни. Когда я поднялся и посмотрел на неё, и я подумал...сатана подкинул в мой разум: "Что ж, вот ты проповедовал изо всех сил, и так жил, и вот, когда коснулось твоего собственного ребёнка, Он отвернулся?"

И я сказал: "Правильно. Если Он не может спасти моего ребёнка, тогда я не могу..." Я остановился. Я—я просто не знал, что делать. И тогда я сказал: "Господь, Ты дал её мне и Ты забрал её, да будет благословенно Имя Господне! Даже если Ты меня заберёшь, я всё равно буду любить Тебя".

Я положил на неё свою руку и сказал: "Благословляю тебя, дорогая моя. Папа хотел бы поднять тебя, всем своим сердцем хотел бы растить тебя, и воспитывать тебя в любви к Господу. Но Ангелы идут за тобой, дорогая. Папа возьмёт твоё маленькое тельце и положит на мамины руки. Я похороню тебя с ней. И однажды папа встретит тебя, ты будешь просто ожидать там с мамой".

Когда её мать умирала, её последние слова были, она сказала: "Билл, оставайся на поле битвы".

Я сказал: "Я буду..." Она сказала... Я сказал: "Если во время Его прихода я окажусь на поле битвы, мы встретимся вместе с детьми. А если нет, то меня похоронят возле тебя. А ты придёшь к тем великим воротам и встанешь по правую сторону, и когда увидишь, как все будут входить, стой там и громко зови: 'Билл! Билл! Билл!'" Я поцеловал её на прощание. И сегодня я на поле битвы. Прошло уже лет двадцать. Я назначил свидание своей жене, и я встречу её.

И я взял своё дитя, когда она умерла, и положил её на руки её матери, и мы унесли на кладбище. И я стоял там и слушал, как на похоронах проповедовал Брат Смит, методистский проповедник: "Пепел к пеплу, и прах к праху". (И я подумал: "А сердце к сердцу".) Она ушла туда.

Вскоре после этого, однажды утром, я забрал маленького Билли. Он был такой маленький дружок. Он был...

Вот почему мы с ним так неразлучны, мне приходилось быть ему и папой и мамой (одновременно). Я носил его бутылочку. Мы не могли себе позволить топить ночью, чтобы его молочко было тёплым, так что я клал бутылочку себе под спину и согревал теплом своего тела.

Мы были с ним как приятели, и в те дни, когда я уйду с этого поприща, я хочу вручить ему Слово, и сказать: "Иди дальше, Билли. Оставайся с Ним". Некоторые люди удивляются, почему я всё время беру его с собой. Я не могу его бросить. Он уже женат, но я всё ещё помню, как она сказала мне: "Будь с ним". И мы неразлучны как верные друзья.

Я помню, как мы шли по городу, в руке у меня бутылочка, он начал плакать. Однажды вечером он...мы гуляли там на задворках и просто...(это было как раз перед его рождением, она задыхалась, и...просто девочка, вы знаете.) И я ходил туда-сюда под тем старым дубом в конце двора. И он плакал и звал свою маму, а я не мог отвести его к маме. И я взял его, я сказал:

— или, — *это будет так. С этим человеком будет так*". Видите?

Он мог предугадать это, потому что Он безграничен. Как вы знаете, это значит, что просто "нет ничего такого, чего Он не знает". Видите, Он знает. Вот, нет ничего прежде времён, и потом больше нет времени, видите, Он всё равно всё знает. Всё в Его разуме. И потом, как Павел сказал Римлянам, в 8-й и 9-й главе: "За что же ещё он обвиняет?" Итак, мы видим это, но Бог...

Как проповедуя Евангелие. Кто-то сказал: "Брат Бранхам, ты Этому веришь?"

Я сказал: "Послушай".

Сказал: "Ты, должно быть, кальвинист".

Я сказал: "Я кальвинист до тех пор, пока кальвинист находится в Библии".

Так вот, на Дереве есть ветвь — это кальвинизм, но на Дереве есть также и другие ветви. У дерева больше, чем одна ветка. Он просто хотел вывести это дальше до вечной безопасности, и через некоторое время продолжаешь выходить в универсализм и выходишь куда-то там, этому нет конца. Но когда ты закончил с кальвинизмом, подойди повыше и начни с арминизма. Видите, на Дереве есть ещё одна ветвь, и ещё одна ветвь на Дереве, просто продолжай двигаться. Всё это вместе взятое соделывает Дерево. Итак, я—я верю в... в кальвинизм до тех пор, пока он придерживается Писания.

И я верю, что Бог прежде основания мира знал, избрал Свою Церковь во Христе, и заклал Христа прежде основания мира. Так говорит Писание: "Он был Агнцем Божиим, закланным от основания мира". Видите? И Иисус сказал, что Он знал нас прежде основания мира, Павел так сказал: "Он—Он знал нас и предопределил нас к усыновлению через Иисуса Христа ещё до того, как был сформирован мир". Это Бог. Это наш Отец. Видите?

Итак, не беспокойтесь, всё вращается так, как надо, всё приходит как раз вовремя. Единственное, что — войди в это вращение. И это—это хорошая сторона этого, когда ты входишь в это вращение, тогда знаешь, как действовать.

Так вот, теперь обратите внимание: "Дары и призвание непреложны", и это единственный способ, каким я мог бы по Писанию поместить своё призвание в Господе. И верю, что сегодня вечером я с друзьями, которые, конечно, поймут это и не подумают, что это связано с личностью, но чтобы вы могли иметь понятие и просто знать, что—что именно сказал Господь, что Он сделает, и найти нечто движущееся, и потом следовать в этом.

Так вот, вначале, первое, что я только могу вспомнить — это видение. Первое, что я могу припомнить в своём разуме — это видение, которое Господь дал мне. И это было много-много лет назад, я был совсем маленьким

В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные...ради отцов.

Ибо дары и призвание Божие непреложны.

Помолимся. Господь, помоги нам теперь сегодня вечером, когда мы в почтении приближаемся, от всего нашего сердца, в искренности, всё это сказано только для Твоей славы. И помоги мне, Господь, и вложи в мой разум только то, что следует сказать и сколько сказать. Останови меня, когда наступит Твой час. Я прошу, чтобы каждое сердце приняло всё это для пользы больным и нуждающимся в этой аудитории. Ибо я прошу об этом во Имя Иисуса Христа. Аминь.

Так вот, я хочу подойти к этой теме как раз тогда, когда нас мало. И—и я попытаюсь не держать вас слишком долго, я положу сюда свои часы и, как только смогу, постараюсь отпустить вас вовремя, чтобы вы могли вернуться завтра вечером. Теперь, пребывайте в молитве. Мне кажется, что парень даже не раздал карточки. Я не спросил его, сделал ли он...И если они не раздали, раздали они или нет, это не важно. У нас всё равно здесь есть карточки, если нам надо будет нескольких вызвать. Итак, если нет, мы просто посмотрим, что скажет Святой Дух.

Теперь, если вы внимательно слушаете...Теперь, это может...так как я...Нас здесь не так много, сейчас подходящее время сказать это, потому что это касается меня лично. И вот почему я сегодня вечером прочитал это место Писания, чтобы вы могли увидеть, что дары и призвание это не есть что-то такое, что кто-то мог бы заслужить.

Павел, говоря здесь, сказал: "Евреи, в Свете Евангелия, были ослеплены и отвержены от Бога, и это ради нас". Но стих прямо перед этим говорит: "Весь Израиль спасётся". Весь Израиль спасётся. Согласно избранию, Бог Отец возлюбил их и ослепил их, чтобы мы, Язычники, могли бы иметь теперь место покаяния, чтобы через Авраама его Семя могло благословить весь мир согласно Слову Его. Видите, какая суверенность Божья? Его Слово просто должно исполниться. Он просто не может быть ничем иным. И теперь мы, через...Бог избрал нас; Он избрал евреев; и Он...

Все эти вещи — это Божье предуздание. Когда Он изрёк то, что будет, Он предузнал это. Теперь, Бог, чтобы быть Богом, ещё вначале Он должен был знать конец, или Он не был бы безграничным Богом. Бог не желает, чтобы кто-нибудь погиб. Конечно, нет! Он не хочет, чтобы кто-нибудь погиб. Но от начала дней этого—этого мира Бог точно знал, кто будет спасён, а кто не будет спасён. Он не хотел, чтобы люди погибли: "Не Его воля, чтобы кто погиб, но Его воля всех спасти", но Он от начала знал, кто спасётся и кто не спасётся. Вот почему Он мог предсказать: "Вот *это* случится. *То* случится,

"О дорогой мой". Я сказал...

Он сказал: "Папа, где моя мама? Ты положил её в ту землю?" Я сказал: "Нет, дорогой, с ней хорошо, она там на Небесах".

И однажды он сказал мне что-то, это чуть не убило меня. Он плакал, уже было поздно вечером, я носил его *вот так*, положив на плечо, носил его на руках и похлопывал его *вот так*. И он сказал: "Папа, пожалуйста, иди за мамой и приведи её сюда".

Я сказал: "Дорогой мой, я не могу привести маму. Иисус..."

Он сказал: "Тогда скажи Иисусу, чтобы прислал мне мою маму. Она мне нужна".

Я сказал: "Ладно, дорогой мой, я...мы с тобой как-нибудь пойдём навестить её".

И он остановился, сказал: "Папа!"

Я спросил: "Что?"

Он сказал: "Я увидел маму вон на том облаке".

О, это чуть не убило меня! Я подумал: "О! 'Я увидел маму вон на том облаке'." Я чуть не упал в обморок. Я обхватил моего малыша, прижал его *вот так* к своей груди и с опущенной головой пошёл домой.

Проходили дни. Я не мог этого забыть. Я работал. Трудно было возвращаться домой, это уже не было домом. Мне хотелось остаться. У нас не было ничего кроме той старой поношенной мебели, но было нечто, чему мы вместе с ней радовались. Это было домом.

Я помню, как однажды, я тогда работал на государственной службе. Я забрался, чтобы демонтировать старую вторичную линию, которая провисала, это было раннее утро. Я забрался на тот крест. (Я не мог забыть своё дитя, я смог перенести, как уходила моя жена, но как уходило это дитя, просто крошечка.) И я был там, и я пел: "На Голгофской горе вижу старый тот Крест". Первичная шла в трансформатор и выходила (вы знаете) во вторичную. И я там висел на ней. И я взглянул, а как раз за мной всходило солнце. Мои руки были вытянуты, и я увидел на склоне холма знак того Креста. Я подумал: "Да, это мои грехи отправили Его туда".

Я сказал: "Шарон, дорогая моя, папочка так хочет видеть тебя, дорогая. Как я опять хотел бы держать тебя в своих руках, мою дорогую крошечку". Я был просто вне себя. Проходили недели. Я снял свою резиновую перчатку. Рядом со мной был провод, по которому бежало две тысячи триста вольт. Я снял резиновую перчатку. Я сказал: "Боже, я не хочу этого делать. Я труслив". "Но, Шерри, папа идёт встретиться с тобой и с мамой, через несколько минут". Начал снимать свою перчатку, чтобы положить руку на

две тысячи триста вольт. Это уничтожило бы...Ещё бы, в тебе не осталось бы даже крови. И вот я—я—я начал стягивать ту перчатку и что-то произошло. Когда я пришёл в себя, я сидел на земле, закрыв руками своё лицо и рыдал. Это была Божья милость, иначе у меня здесь не было бы служения исцеления, это точно. Это Он сохранил Его дар, а не меня.

Я отправился домой. Я убрал свои инструменты и прекратил. И пошёл назад, я сказал: "Я отправляюсь домой".

Я обошёл вокруг дома и забрал почту, было холодно, я вошёл в дом. У нас была одна маленькая комната, я спал там на раскладушке, начинались морозы, печь была старая. Я взял почту и посмотрел, и первое, что увидел — это были её сбережения к рождеству, восемьдесят центов, "Мисс Шарон Роуз Бранхам". Ну вот, опять.

Я был инспектором по охране дичи. Я протянул руку и достал из кобуры свой пистолет. Я сказал: "Господь, я не могу больше, я умираю. Для меня это такая пытка". Я взвёл курок, приставил к голове и встал на колени у кровати в тёмной комнате. Я сказал: "Отче наш, Сущий на Небесах, да святится Имя Твоё. Да придет царствие Твоё, да будет воля Твоя", нажал на курок изо всех сил, я сказал: "на земле как и небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день". Он не выстрелил!

И я подумал: "О Боже, Ты рвёшь меня на части? Что я сделал? Ты даже не даёшь мне умереть". Я бросил пистолет, он упал и в комнате раздался выстрел. Я сказал: "Боже, почему я не могу умереть и избавиться от этого? Я просто не могу больше. Ты должен сделать что-то со мной". И я упал и начал рыдать там на своей старой грязной койке.

И я, должно быть, уснул. Я не знаю, или я спал или что-то произошло.

Я всегда мечтал оказаться на Западе. Я всегда хотел одну из таких шляп. Мой отец в молодые годы объезжал лошадей, и я всегда хотел иметь одну из таких шляп. И Брат Димос Шакарьян купил мне вчера одну, это у меня такая первая, из таких западных шляп.

И мне представлялось, что я скачу через прерии, напевая ту песню: "Колесо повозки сломалось, там продаётся ранчо". И немного дальше я заметил старую закрытую повозку, как старый фургон переселенцев, и колесо было сломано. Конечно, это представляло мою разломанную семью. И когда я приблизился, я посмотрел, и там стояла хорошенькая юная девушка, ей было лет двадцать, белые ниспадающие волосы и голубые глаза, одета в белое. Я взглянул на неё, я сказал: "Здравствуйте". Поехал дальше.

Она сказала: "Привет, папа".

Я обернулся, я сказал: "Папа?" "Почему, — спросил я, — как это, мисс, вы...я могу быть вашим отцом, когда вам столько же лет как и мне?"

это, Господь, когда мы посвящаем их Тебе. Во Имя Сына Твоего, Господа Иисуса. Аминь.

Благословит вас Бог. Я уверен, что работники видят, где вы стоите, и через несколько минут они будут рядом с вами.

А теперь к тем, кто желает получить молитвенные карточки. Билли, где Джин и Лео, они в конце? Они здесь через несколько минут будут раздавать молитвенные карточки. Брат распустит собравшихся в молитве и будут розданы молитвенные карточки. Мы вернёмся сюда очень скоро для молитвы за больных. Хорошо, Брат.

"История моей жизни" была произнесена в воскресный день 19 апреля 1959 года в Храме Ангела в Лос-Анджелесе, Калифорния, США.

КАК КО МНЕ ПРИШЁЛ АНГЕЛ И ЕГО ПОРУЧЕНИЕ

И братья, вероятно...И я вижу здесь несколько магнитофонов, и они, конечно, запишут это. Каждый раз, когда вы хотите точно знать, что Святой Дух сказал вам, обратитесь к этим братьям, у которых эти магнитофоны, и они это всё опять могут проиграть, и вы в точности можете узнать свой случай. И смотрите, и наблюдайте, не случится ли это точно так, как Это сказано, вы видите. Когда вы слышите, как это выражает "ТАК ГОВОРИТ ГОСПОДЬ: 'Что-то определённое или *это*, или *то*'," или просто проверьте это и смотрите, правильно это или нет. Видите? Это всегда так.

Теперь, просто немного в общем...И меня сегодня даже радует, что здесь нас не так много. Мы просто по-домашнему, не так ли? Мы не чужие, никто из нас здесь не чужой. Мы не...Я могу просто использовать свою кентуккскую грамматику и чувствовать теперь себя как дома, потому что мы—мы просто...И я не сбрасываю теперь со счетов кентуккийцев, если здесь есть кто-нибудь из Кентукки. Здесь есть кто-нибудь из Кентукки? Поднимите свои руки. Послушайте! Я могу чувствовать себя прямо как дома, не так ли? Это очень замечательно.

Моя мать управляла пансионом. И однажды я пошёл туда, чтобы узнать...Большая группа людей разместились там и установили большой, длинный стол. И я сказал: "Кто здесь из Кентукки, встаньте". Все встали. И тем вечером я пошёл в церковь, в мою церковь, и я сказал: "Кто здесь из Кентукки?" Все встали. Итак, я сказал: "Да, это очень хорошо". Миссионеры проделали хорошую работу, так что мы очень благодарны за это.

Теперь, в Книге Римлянам, 11-я глава и 28-й стих. Теперь внимательно слушайте, прочтём из Писания.

сказал маме в тот день там на могиле "до свидания", может быть, когда ты сказал сестрёнке "до свидания" или папе, или кому-то из них на могиле, обещал, что встретишься с ними, но ты—ты ещё не сделал приготовлений. Сейчас самое время сделать это, не правда ли?

Простите мои переживания. Но, о, ты не представляешь, друг. Ты не знаешь, что—что это жертва! Это не совсем история жизни.

Кто из вас хотел бы сейчас подняться и пройти сюда для молитвы, сказать: "Я хочу встретиться с моими близкими"? Поднимитесь там в аудитории и пройдите сюда. Ты сделаешь это? Если кто-то ещё не сделал приготовлений. Благословит вас Бог, сэр. Я вижу, как идёт пожилой негр, и другие идут. Двигайтесь, кто там на балконах, направляйтесь к проходу. Или встаньте, те, кто желает быть вспомняемым сейчас в молитве. Вот так. Встаньте на ноги. Это хорошо. Поднимитесь повсюду, те, которые скажут: "Там у меня отец, там у меня мать или мои близкие. Я хочу увидаться с ними. Я хочу встретить их в мире и покое". Поднимитесь, встаньте на ноги там, где вы находитесь. Встаньте на ноги, скажите: "Я хочу принять".

Благословит вас Бог, женщина. И там пусть Бог благословит вас. И там пусть благословит. Благословит вас Господь, сэр. Правильно. Там на балконе, благословит вас Господь. Повсюду, встаньте на ваши ноги сейчас для слова молитвы, Дух Святой здесь и действует в сердцах наших, чтобы поднять.

Вы знаете, в чём сегодня нуждается церковь, — это в поднятии, в отрыве. Мы должны пойти в Дом Горшечника. Наша жёсткая доморощенная теология иногда не срабатывает. В чём мы нуждаемся — это в старомодном отрыве, в покаянии в сердцах наших, чтобы смягчились для Бога. Это все, которые готовы встать?

Тогда давайте склоним наши головы для молитвы.

О Господь, Который опять привёл Иисуса... из мёртвых, чтобы оправдать всех нас через веру, веруя. Я молю, Господь, чтобы те, которые сейчас поднялись, приняли Тебя, я молю о прощении для них. О Господь, я молю, чтобы они приняли Тебя, как своего Спасителя, Царя и Возлюбленного. И, может быть, за морем у них мама или папа или ещё кто-нибудь. Есть одна уверенность, что у них есть Спаситель. Да будут прощены их грехи, и да изгладится их беззаконие, и да будут души их омыты в Крови Агнца, и пусть живут они в мире отныне и впредь.

И в один славный день, когда всё закончится, дай нам встретиться в Доме Твоём, и быть там неразрывными семьями, чтобы встретить наших близких, ожидающих на той стороне. Вот, мы посвящаем их Тебе, чтобы "Ты сохранил их в совершенном мире, сердца которых уповают на Тебя". Даруй

Она сказала: "Папочка, ты просто не знаешь, где ты находишься".

Я спросил: "Что вы имеете в виду?"

Она сказала: "Это Небеса". Сказала: "На земле я была твоей маленькой Шарон".

"Как это, — сказал я, — дорогая, ты была просто младенцем".

Сказала: "Папочка, младенцы здесь не младенцы, они бессмертные. Они никогда не стареют и никогда не растут".

И я сказал: "Что ж, Шарон, дорогая, ты прекрасная молодая женщина".

Она сказала: "Тебя ждёт мама".

Я спросил: "Где?"

Она сказала: "В твоём новом доме".

Я спросил: "В новом доме?" Бранхамы странники, у них нет домов, они просто... И я сказал: "Вот, у меня никогда не было дома, дорогая".

Она сказала: "Но здесь у тебя есть дом, папочка". Я не хочу показаться ребёнком, но это и сейчас для меня настолько реально. [Брат Бранхам плачет—Ред.] Когда я начинаю думать об этом, это опять оживает передо мной. Сказала: "Но здесь у тебя есть дом, папочка". Я знаю, что там он у меня есть, однажды я уйду туда. Она сказала: "Где мой брат Билли Поль?"

Я сказал: "Я оставил его у миссис Брой, всего несколько минут назад".

Сказала: "Мама, хочет увидеть тебя".

Я обернулся и увидел, — там был большой дворец и его окружала Слава Божья. И я услышал, как Ангельский хор поёт: "Мой Дом, дорогой Дом". Я начал подниматься по широким ступеням, бежал изо всех сил. Добежал до двери и вот стоит она, в белой одежде, длинные тёмные волосы покрывали её плечи. Она протянула свои руки, как она всегда делала, когда я уставший приходил с работы или ещё откуда-нибудь. Я взял её за руки, я сказал: "Дорогая, я там видел Шарон". Я сказал: "Она стала прекрасной девушкой, правда?"

Она сказала: "Да, Билл". Она сказала: "Билл". Положила свои руки мне на плечи и, похлопывая меня, она сказала: "Перестань беспокоиться обо мне и о Шарон".

Я сказал: "Дорогая, я ничего не могу поделать".

Она сказала: "И мне и Шарон здесь лучше, чем тебе". И сказала: "Больше о нас не беспокойся. Ты мне обещаешь?"

И я сказал: "Хоуп, — сказал я, — я так тосковал о тебе и о Шарон, и Билли всё время плачет о вас". Я сказал: "Я не знаю, что с ним поделать".

Она сказала: "Всё будет хорошо, Билл". Она сказала: "Только пообещай мне, что ты не будешь больше беспокоиться". И она сказала: "Может

присядешь?" Я оглянулся вокруг — там стоял большой стул.

Я помню, как я пытался купить стул. Ну, уже заканчиваю. Однажды я пытался купить стул. У нас были эти старые обычные деревянные стулья, столовый набор. У нас были только эти стулья. И мы смогли купить один из таких стульев, где ты можешь откинуться на спину, как... Я забыл, что это был за мягкий стул. Он стоил семнадцать долларов, и надо было заплатить три доллара сразу и потом по доллару в неделю. И мы один заимели. О, когда я приходил... я работал весь день, и до полуночи проповедовал на улицах и повсюду, где только мог.

И—и однажды я не смог оплатить. Нам не удалось это, проходили день за днём, и наконец, однажды они пришли и забрали мой стул. В тот вечер, я никогда этого не забуду, она испекла мне вишнёвый пирог. Бедняжка, она знала, что я огорчён. И после ужина я сказал: "Что это ты сегодня такая добрая, дорогая?"

Она сказала: "Слушай, я попросила соседских мальчишек накопать червячков. Как ты думаешь насчёт того, чтобы пойти на речку и немного порыбачить?"

Я сказал: "Да, но..."

И она заплакала. Я почувствовал, что что-то не в порядке. У меня мелькнула мысль, потому что они уже уведомяли меня, что придут его забирать. Нам не удалось внести тот доллар за неделю. Мы не могли, не...не смогли себе этого позволить. Она обняла меня, я подошёл к двери — моего стула не было.

И Там она мне сказала: "Билл, ты помнишь тот стул?" Я сказал: "Да, дорогая, я помню". Сказала: "Ты об этом подумал, не так ли?" "Да-а".

Она сказала: "Этот они не заберут, за этот заплачено". Она сказала: "Присядь на минуту, я хочу поговорить с тобой".

Я сказал: "Дорогая, я этого не понимаю".

Она сказала: "Обещай мне, Билли, обещай мне, что ты не будешь больше беспокоиться. Ты теперь уйдёшь обратно". И добавила: "Обещай мне, что не будешь беспокоиться".

Я сказал: "Я не могу этого, Хоуп".

И тогда я начал возвращаться, в комнате было темно. Я огляделся вокруг, я чувствовал на себе её руки. Я сказал: "Хоуп, ты здесь в комнате?"

Она стала слегка похлопывать меня. Она сказала: "Ты пообещаешь мне, Билл? Обещай мне, что ты не будешь... больше беспокоиться".

Я сказал: "Я обещаю тебе".

И затем она два или три раза дотронулась до меня и тогда она исчезла. Я

вскочил и включил свет, осмотрел повсюду, она исчезла. Но она просто пропала из комнаты. Она не пропала, она всё ещё живёт. Она была Христианкой.

Через некоторое время мы с Билли были на кладбище, принесли цветы для его матери и сестры, в пасхальное утро, и мы остановились. Мой малыш начал плакать, он сказал: "Папочка, моя мама там внизу".

Я сказал: "Нет, дорогой. Нет, она не внизу. Сестричка не внизу. Мы положили их сюда в могилу, но там за морями, где воскрес Иисус, там раскрытая могила. И однажды Он придёт, Он приведёт с собой сестру и маму".

Сегодня я на поле битвы, друзья. Я—я просто не могу больше говорить. Я...[Брат Бранхам рыдает—Ред.] Благословит вас Бог. Давайте на минуту склоним наши головы.

О Господь! Много раз, Господь, я уверен, что люди не понимают, когда они думают, что всё это так легко. Но грядёт великий день, когда придёт Иисус и уберёт все эти печали. Я молю, Небесный Отец, чтобы Ты помог нам приготовиться.

И то последнее обещание, когда я в то утро поцеловал её в щеку, что я встречу её там в тот день. Я верю, что она будет стоять у колонны, будет громко кричать моё имя. И с тех пор, Господь, я жил и был верен тому обещанию, по всему миру, во всех местах, пытаюсь нести Евангелие. И теперь старею, и устал, я измучился. В один из дней я закрою эту Библию в последний раз. Боже, храни меня верным этому обещанию. Пусть милость Твоя окружает меня, Господь. Дай мне не смотреть на то, что в этой жизни, но жить для потустороннего. Дай мне быть честным. Я не прошу лёгкого пути, нет, Господь, когда мой Христос умер в страданиях. И остальные из них умерли подобным образом. Я не прошу ни о чём лёгком. Но только дай мне быть честным и верным, Господь. Дай людям любить меня, чтобы я мог вести их к Тебе. И однажды, когда всё это закончится и мы соберёмся под вечнозелёными деревьями, я хочу взять её за руку и провести её, и показать людей из Храма Ангела и всех остальных. Тогда это будет великое время.

Я молю, чтобы на каждом из нас здесь почивала милость Твоя. И на тех, Господь, которые здесь и, может быть, даже не знают Тебя. И, может быть, у них есть там за морем их близкие. Если они не исполнили своего обещания, пусть они сделают это теперь, Господь.

И пока мы стоим со склонёнными головами, мне интересно сегодня в этой огромной аудитории, сколько из вас скажут: "Брат Бранхам, я тоже хочу встретиться с моими близкими. По ту сторону реки у меня есть близкие". Может быть, вы обещали, что встретитесь с ними, может быть, когда ты